

Братья Шмалевы

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	1
Взгляд на историю	3
Так началось	8
Сторонушка дальняя	12
Пути разошлись	21
В гуще событий	27
Служение науке	35
Последние годы жизни	51
Список основных трудов братьев Шмалевых	61
Источники	63

ОТ АВТОРА

Эта книга является первой попыткой более или менее подробно осветить жизнь братьев Тимофея и Василия Шмалевых — незаслуженно забытых исследователей Крайнего Севера второй половины XVIII века. Все свои силы и знания, всю жизнь посвятили они изучению дальневосточных окраин Русского государства. Будучи свидетелями, а зачастую и участниками многих экспедиций и походов, связанных с освоением Охотско-Чукотского края, Камчатки и Алеутских островов, братья Шмалевы добровольно взяли на себя труд по сбору, описанию и обобщению исторических событий, происходивших на Дальнем Востоке в период их деятельности.

Известный историограф России XVIII века Г.Ф. Миллер получил от братьев Шмалевых, особенно от первого из них, бесчисленное количество документов, относящихся к истории Сибири и составляющих немалую часть известных «Портфелей Миллера».

Трудами этих скромных деятелей пользовались и пользуются до сих пор все учёные, занимавшиеся проблемами Дальнего Востока.

Несомненно, что известный историк В.Н. Берх (1781-1834), составляя свою работу «Хронологическую, историю открытия Алеутских островов

или подвиги российского купечества» (1823), использовал материалы Шмалевых. Использовал их также и русский историк XVIII века М.Д. Чулков, автор многотомного труда «Историческое описание Российской коммерции» (1781-1788).

В наше время для советского читателя впервые «открыл» Шмалевых профессор А.И. Андреев. В книге «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке» (1948) он указывает, что «в середине XVIII века началось частное собирательство материалов о русских плаваниях и открытиях того времени; корреспонденты и друзья Г.Ф. Миллера (братья Тимофей и Василий Ивановичи Шмалевы, Ф.И. Соймонов, Д.И. Чичерин, Ф.Х. Плениснер и др.) доставляли ему материалы, заимствованные главным образом из местных сибирских канцелярий».

В другой своей работе, комментируя переиздание (1937) книги Ф.Г. Миллера «История Сибири», А.И. Андреев, рассказывая об источниках создания этого труда, говорит и о переписке автора с братьями Шмалевыми. Он приводит характерный пример из письма Миллера к Шмалевым от 3 сентября 1778 года: «Я не оставил по вашим письмам и описаниям такое употребление учинить, как для общественной и для вашей чести полезно мне рассудилось. Что ничего того, в печать ещё не вышло, оное зависит не от меня, но от высочайшей власти, коей всемилостивейшего дозволения я ожидал».

В этом же издании помещён обзор рукописей Г.Ф. Миллера и впервые упомянуто большинство писем и работ Шмалевых, посланных ими Миллеру.

Наконец, в 1949 году Р.В. Макарова в диссертации «Открытие и освоение русскими Алеутских островов во второй половине XVIII века» широко использует материалы братьев Шмалевых и на нескольких страницах рассказывает об их жизни и деятельности. В 1954 году она выступает со специальной статьёй «Роль Тимофея Шмалева в изучении истории русских географических открытий в Тихом океане во второй половине XVIII века»¹. Это довольно успешная попытка показать роль Т. Шмалева в создании истории русских географических открытий на Северо-Востоке, главным образом Алеутских островов.

В 1952 году О.М. Медушевская в диссертации «Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке (50 - начало 80-х

¹ Труды Московского Государственного историко-архивного института, изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова. М, 1954. кн. 6.

годов XVIII века)», которая осталась неопубликованной, уделяет большое внимание многим работам Т. Шмалева. В этой диссертации автор, совершенно правильно оценивая значение работ Шмалевых и отмечая недостаточное внимание к ним, всё-таки мало рассказывает о жизни Шмалевых, а в некоторых случаях допускает ошибки. Так, например, О.М. Медушевская считает, что на Камчатке под начальством М.К. Бема служил Т. Шмалев, в то время как это был Василий Шмалев.

К сожалению, ни один из авторов не счёл нужным подробнее рассказать о жизни Тимофея и Василия Шмалевых — этих замечательных людей своего времени, о их прогрессивных взглядах, об их немаловажной как служебной, так и исследовательской деятельности на Крайнем Северо-Востоке, об их скромных, но очень ценных исторических работах, в то время как всё это заслуживает, конечно, более глубокого и широкого освещения. Необходимо, чтобы о жизни и делах братьев Шмалевых знали не только специалисты-историки и географы, — но и широкий круг читателей и особенно те из них, которые сейчас живут и трудятся на далёкой советской Чукотке, Колыме, Камчатке.

В данной научно-популярной работе, целиком основанной на архивных материалах, делается попытка восполнить этот пробел.

Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам Центрального Государственного Архива Древних Актов, Архива Внешней Политики России и Центрального Государственного Архива Военно-Морского Флота за их помощь в подборе материалов. Автор приносит также благодарность профессору А.И. Андрееву и члену корреспонденту Академии педагогических наук РСФСР А.И. Соловьёву за их ценные советы и замечания.

Автор надеется, что его книга послужит лишь началом для последующих более обширных работ о братьях Шмалевых.

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Семнадцатое и восемнадцатое столетия!

С этими словами в памяти невольно возникают бессмертные подвиги первых отважных русских землепроходцев и мореходов на неведомых просторах Сибири и Дальнего Востока, Ледовитого и Тихого океанов, открытия новых неизведанных «землиц», островов, морей, проливов, рек, горных хребтов — словом, все те великие географические от-

крытия, которые составили эпоху в мировой истории. В результате беспримерно смелых походов и экспедиций русские достигли побережья Охотского моря, открыли Камчатку, вышли к реке Амур, обследовали всё северо-восточное побережье Азии и острова северо-восточной части Тихого океана, проникли на «Большую матёрую землю» — Америку.

Навсегда вошли в историю этих выдающихся географических открытий имена Дежнёва и Попова, Стадухина и Моторы, Москвитина и Атласова, Пояркова и Хабарова, Беринга и Чирикова и многих, многих других славных имён русских первооткрывателей.

Однако до сего времени в освещении великих русских географических открытий и исследований существует ещё немало пробелов, есть незаслуженно забытые или малоизвестные нашим современникам имена, например, Алексея Филиппова, Семена Шелковника, Дмитрия Бечевина, Михаила Неводчикова и других землепроходцев, мореходов, исследователей, в том числе и братьев Тимофея и Василия Шмалевых, о которых рассказывается в книге.

Продвижение русских людей на Дальний Восток и Крайний Север отличалось невиданной в истории стремительностью. За каких-нибудь пятьдесят с небольшим лет, от славных походов Ермака до выхода Москвитина к Охотскому морю, огромная Сибирь была пройдена из конца в конец.

Летом 1639 года отряд томских казаков, предводительствуемый Иваном Москвитиным, появился в устье реки Ульи, и русские люди впервые увидели перед собой таинственную Ламу¹, а уже в 1648-1649 годах Семён Дежнёв открыл пролив, отделяющий Азию от Америки и, обогнув мыс Восточный, основал в устье Анадырь-реки Анадырский острог.

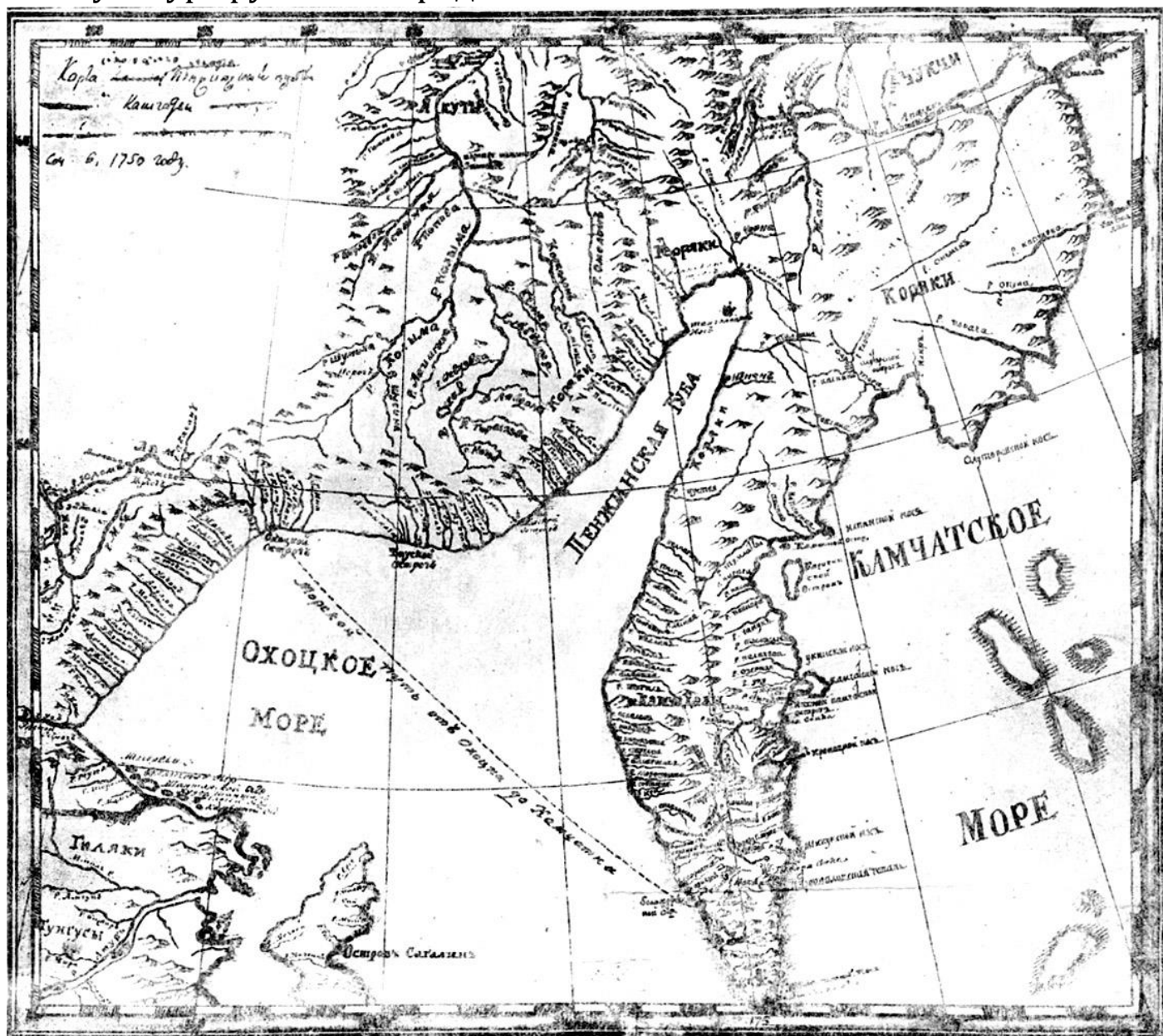
В 1647 году казак Семён Шелковник, повторяя путь Москвитина, вышел в море и, продолжая путь вдоль берега на север, достиг реки Охоты. Здесь он построил зимовье, дав ему название Охотск.

¹ Так называлось тогда Охотское море. Лама — от эвенского слова «лам», что значит море. Происхождение же слова «охота» связано с другим эвенским словом «окат». Первые русские, пришедшие на побережье, объяснялись с местными жителями жестами и мимикой. Показывая на море и реку, они хотели узнать их названия. Местные жители отвечали им: «эрек лам» — «это море», а реку называли «окат». Так эти названия в русском произношении закрепились за морем и рекой Охотой. (Данное объяснение сообщено сотрудником Магаданского областного краеведческого музея У.Г. Поповой).

Из этих двух мест — Анадырского и Охотского острогов — и началось дальнейшее продвижение землепроходцев: на восток и на юг вдоль Охотского побережья и на Камчатку.

Повсюду, где ни появлялись русские люди, они приводили «под высокую государеву руку» местных жителей, брали заложников-аманатов и заставляли их платить государственную дань — яsak.

Правящие круги помещичье-чиновничьей России стремились превратить северо-восток Азии в одну из доходных колоний. Но в целом присоединение северо-восточных окраин материка к Русскому государству было необходимым и исторически-прогрессивным явлением, так как оно спасло коренные народности Северо-Востока от порабощения иностранцами и приобщило эти народности к неизмеримо более высокой культуре русского народа.



Карта морского пути от Охотска до Камчатки (XVIII век)

В продвижении русских на Дальний Восток и Северо-Восток важную роль играли крепости-острожки, которые ставились на всём этом великом пути.

Особая роль выпала в то время на долю Охотского острога. Находясь в очень выгодном географическом положении, Охотск вскоре превратился в административный центр края, а затем стал главным портом России на Тихом океане. Уже на следующий год после основания Охотского острога оттуда вышел в плавание на кочах вдоль побережья Охотского моря отряд Алексея Филиппова. Ему удалось дойти до Тауйской губы. Отряд находился в плавании три года и благополучно возвратился в Охотск. Об этом походе-плавании сохранился документ «Роспись пути», составленный Филипповым.

В 1716 году из Охотска вышла в первое плавание на Камчатку лодия «Восток» под предводительством тобольского казачьего пятидесятника Кузьмы Соколова. И с этого времени отсюда совершались походы казаков, промышленников-мореходов и купцов и выходили в плавание почти все прославленные северные экспедиции.

Когда из Охотска в 1717 году был «проведан» морской путь на Камчатку, там уже было основано несколько крепостей и острогов. В этом свою историческую роль сыграл Анадырский острог.

Имеются сведения, что впервые русские попали на Камчатку с одного из кочей экспедиции Дежнёва — с коча Федота Алексеева. После того, как их прибило к берегу, они некоторое время жили у реки, называемой теперь Федотовкой, но дальнейшие следы их теряются.

В 1697-1699 годах сибирский казак Владимир Атласов с отрядом в 120 человек по собственному почину предпринял поход из Анадырска на Камчатку. С этого времени Камчатка была присоединена к Русскому государству. Один за другим стали возникать здесь острога, из числа которых вскоре выделились Нижне-Камчатский, Верхне-Камчатский, Большерецкий и Тигильская крепость. Но так же, как на Охотском побережье — Охотск, на Камчатке главное значение, приобрёл Большерецкий острог (Большерецк).

Из Большерецка и Нижне-Камчатска начались плавания русских мореходов на Курильские острова и к берегам Японии, к неизвестным островам Тихого океана, к берегам Америки.

Грандиозным событием в истории Дальнего Востока и Северо-Востока явилась организация по инициативе Петра I, мечтавшего превра-

тить Россию в великую морскую державу, сначала 1-й Камчатской экспедиции (1725-1730), а затем 2-й Камчатской, или Великой Северной экспедиции (1733-1743) под руководством Витуса Беринга и Алексея Чирикова. По своим задачам, размерам охваченных территорий и результатам экспедиция не имела себе подобных в истории мировой географической науки.

На кораблях, построенных силами экспедиции, Беринг и Чириков пришли к западному побережью Камчатки, после чего по суше пересекли полуостров и достигли Нижне-Камчатска, где был выстроен основной экспедиционный корабль «Св. Гавриил». Экспедиция обследовала берега Чукотки. Ею было подтверждено существование пролива между Азией и Америкой, открыты острова Диомида и Лаврентия. После зимовки в Нижне-Камчатске Беринг вернулся в Охотск.

Вскоре началась подготовка ко 2-й Камчатской экспедиции. В Охотске строились прославленные суда этой экспедиции «Св. Пётр» и «Св. Павел», на которых Беринг и Чириков достигли побережья Северной Америки и открыли многие из Алеутских островов.

Когда стало известно об этих открытиях, на Охотское побережье, на Камчатку, а отсюда на новые земли хлынули потоки мореходов-промышленников, прослышавших о неисчислимых богатствах этих земель — котиках, бобрах, соболях.

А вслед за первооткрывателями Российское государство властно закрепляло эти новые земли, посылая свои государственные экспедиции. Крупнейшей из них после Камчатских была экспедиция И.И. Биллингса и Г.А. Сарычева (1785-1792).

В этот период Дальний Восток привлекал всё большее внимание многих иностранных государств. Корабли англичан, испанцев, голландцев, французов бороздили северо-восточные воды Тихого океана. Из всех этих: многочисленных иностранных экспедиций наиболее значительными были три кругосветных плавания Д. Кука и экспедиция Ж. Лаперуза.

Обе эти экспедиции побывали в русских дальневосточных портах, где им была оказана помощь и гостеприимство.

Вот в это интересное время середины XVIII столетия,, полное больших исторических событий на Дальнем Востоке и Северо-Востоке, и протекала жизнь братьев Тимофея и Василия Шмалевых, служивших на далёкой окраине великой русской земли.

ТАК НАЧАЛОСЬ

В тихом захолустном городе Хлынове¹ Казанской губернии в семье канцеляриста Ивана Степановича Шмалева росли двое сыновей: Тимофей, родившийся в 1735 году, и Василий — 1737 года рождения.

Вскоре Иван Степанович Шмалев поступил на военную службу и стал драгуном. Благодаря своей грамотности он быстро делал военную карьеру: через два года стал писарем у генерала, а потом был произведён в подпоручики Навагинского пехотного полка. Затем его перевели на службу в Москву.

В 1744 году произошло событие, повлиявшее на всю дальнейшую жизнь И.С. Шмалева и его семьи. Иван-Степанович был включён в состав команды генерал-майора Чернецова, которая направлялась в Сибирь для военной ревизии. Иной раз подобные ревизии продолжались более пяти лет. Поэтому Иван Степанович по пути заехал в Хлынов и взял с собой жену и обоих сыновей.

Будучи уже на Урале, Шмалев получил ответственное поручение ехать в Кяхту для производства следствия по делу капитана Плохова, посланного туда с ревизией, но злоупотребившего своей властью. В те времена Кяхта была одним из двух пунктов² на границе России с Китаем, через которые была разрешена торговля с этой страной.

От Демидовских заводов до Амура дорога была трудная, дальняя. Иван Степанович решил отправить жену обратно в Хлынов, а детей оставить на Урале. Он отдал их для обучения немецкому языку «бывшему при иноземцах тогда находящимся на заводе перевоотчику горного начальства, ундер шихмейстеру Осипу Андреянову сыну Стадухину»³.

«Ундер шихмейстер» Стадухин за четыре года, пока И.С. Шмалев находился в Сибири, не только обучил детей немецкому языку, но и сумел привить им большую любовь к книгам. Оба брата свободно читали и писали по-немецки, а их любовь к чтению была так велика, что впоследствии они большую часть своего жалованья тратили на выписку в то время довольно дорогих книг из Петербурга на Чукотку и на Камчатку.

¹ Хлынов в 1780 году был переименован в город Вятку, ныне — город Киров.

² Второй — Цурухтай.

³ ЦГАДА, портфели Миллера, 528, ч.1, д.16, л.1-об.

По пути в Кяхту И.С. Шмалев посетил тогдашний центр Восточной Сибири — Иркутск. Здесь Иван Степанович много наслышался о далёкой Чукотской земле, о непокорном чукотском народе, о дальнем Анадырском остроге — крае русской земли. Все эти известия, а особенно разговоры о военных походах майора Д.И. Павлуцкого¹ на «немирных чукоч» пробудили у И.С. Шмалева желание побывать в этих отдалённых местах, ему захотелось всё увидеть, всё узнать самому.

Успешно закончив свои дела в Кяхте и сделав в Москве доклад о ревизии, Иван Степанович написал обстоятельную докладную записку и свой проект покорения «чук», которые представил в Государственную Военную коллегия. В проекте он просил назначить его командиром Анадырского острога. В Государственной Военной коллегии к такому предложению поручика Шмалева отнеслись более чем благосклонно: не только утвердили его назначение в Анадырск, но и произвели в чин капитана.

Осенью 1749 года семья Шмалевых тронулась в путь из Москвы по длинному Сибирскому тракту. В первый крупный сибирский город Тобольск прибыли в начале 1750 года. Здесь помещался штаб Сибирского военного корпуса.

Иван Шмалев явился с рапортом к командующему корпусом генерал-майору Киндерману. Но тут его ожидало горькое разочарование. Перед самым его приездом из Якутска в Анадырск был отправлен капитан якутского полка Шатилов. В Сибири ждали-ждали пока соберутся в Москве послать туда командира, да и распорядились сами. Было отчего разочароваться. Брошено всё: дом, хорошая служба в Москве, обеспеченная спокойная жизнь. Надо было заново устраиваться здесь, в Сибири...

Капитан Шмалев получил назначение командиром гренадерской роты Ширванского пехотного полка, стоявшего в городе Таре. Нужно было подумать о сыновьях. Тимофею было уже 14, а Василию 13 лет. Для своего времени они получили хорошее образование. Не так уж часто можно было встретить тогда людей грамотных, а тем более свободно владеющих немецким языком. Отец решил, что дети должны пойти по его стопам и стать военными. Их записали в солдаты Ширванского полка.

¹ Д.И. Павлуцкий — капитан тобольского драгунского полка. В течение долгого времени возглавлял военные походы русских против «немирных чукоч». Отличался жестоким отношением к местным жителям. Был убит чукчами в бою близ Анадырского острога 21 марта 1747 года.

В конце 1751 года капитан Шмалев получил новое назначение комендантом в Семипалатную крепость¹. Его детям — солдатам Шмалевым — было разрешено отправиться вместе с отцом.

В начале 1753 года Иван Степанович Шмалев снова получил перевод, теперь его назначили комендантом в Омскую крепость. Давно уже он перестал думать о «своём» Анадырском остроге и примирился с новыми назначениями. По службе его отличали, дети подрастали и обещали стать исправными, знающими своё дело офицерами. И вдруг, как снег на голову, в Омскую крепость прибыл нарочный курьер с пакетом от командующего Сибирским корпусом. Новости были неожиданные: Иван Степанович Шмалев был произведён в чин секунд-майора, и ему предписывалось отправиться главным командиром в Анадырский острог.

Несколько позже, именным указом от 14 октября 1753 года, Государственная Военная коллегия подтверждала назначение И.С. Шмалева. В указе говорилось, что И.С. Шмалев утверждён Анадырским командиром и командиром Камчатки, что «обретающимся в Анадырском остроге офицерам и нижним чинам, в числе 600 человек, считаться камчатскою командою, и командиром над тамошними местами быть секунд-майору Шмалеву».

На Чукотке между тем произошли следующие события. Главный командир Анадырского острога капитан Шатилов, по примеру некоторых сибирских правителей, возомнил себя полновластным хозяином края и до того нагло и грубо вёл себя с местными жителями, что те взбунтовались. Как рассказывали очевидцы, Шатилов дошёл до того, что сам лично бил главного корякского князьца Аквулана Адятова. Затем заковал его вместе с четырьмя аманатами² в кандалы. Коряки отказались подчиняться Шатилову и не стали приносить ясак. Однажды ночью они подошли к лагерю Шатилова, убили четырёх часовых и освободили Аквулана вместе с аманатами. Одновременно другая группа коряков угнала от Анадырского острога около 1000 оленей, принадлежащих команде Шатилова. Такое событие не могло пройти незамеченным. Когда же весть об этом и о других злоупотреблениях Шатилова дошла до Государственной Военной коллегии, его отстранили от должности и послали на смену капитана Шмалева, присвоив последнему чин секунд-майора.

¹ Ныне город Семипалатинск.

² Аманаты — заложники.

Весной 1753 года, как только вскрылся Иртыш, Шмалева отправились в Тобольск. Отсюда предполагалось отправиться в Анадырский острог. В Тобольске Иван Степанович добился, чтобы в команду, отправлявшуюся с ним в Анадырск, были включены и его сыновья Тимофей и Василий. К этому времени оба они уже были сержантами.

Наступил день отъезда. Было 1 августа. День был жаркий, погожий. Многочисленные сослуживцы Шмалева, знакомые, родственники отъезжающих пришли на берег красавца Иртыша. Имущество семьи Шмалевых и всей анадырской партии солдат было погружено на несколько дощаников. Последние напутствия, поцелуи, крепкие рукопожатия — и вот уже тобольский берег медленно поплыл перед взорами тех, кто отважился отправиться в далёкий неизвестный край, где, по слухам, и люди-то не похожи на людей, где не родится ни рожь, ни репа, не растут столь милые русскому сердцу белые берёзы и великаны-сосны.

Путешествие по реке на дощаниках продолжалось долго, всё лето. К началу осени караван дощаников появился в Томске. Отсюда следовать дальше можно было только сухопутным путём до могучей Лены-реки. Такой путь легче было проделать зимой. Поэтому решено было в Томске дожидаться наступления зимних дней.

С установлением зимнего пути анадырский отряд Ивана Шмалева направился к верховьям Лены. Отправив караван к Усть-Куту, Иван Степанович, взяв с собой Тимофея и несколько солдат, заехал в Иркутск. Из беседы с генерал-губернатором и другими чиновниками он выяснил положение в Чукотском крае. Тимофей же Шмалев все свободные часы проводил в библиотеке генерал-губернатора, который разрешал ему ею пользоваться. Тимофей и раньше много слышал, а кое-что и читал о первых плаваниях русских промышленных людей по морю Студёному, на заморские острова и неведомые земли, об экспедиции Витуса Беринга и Алексея Чирикова, о какой-то новой земле Аляске. Теперь он снова жадно проглатывал одну книгу за другой. В Иркутске Тимофей Шмалев на каждом шагу встречался со многими непосредственными участниками северных экспедиций. В Иркутске он познакомился с Никифором Трапезниковым — одним из первых русских, побывавших на Алеутских

островах, встречал он здесь и многих участников экспедиции Витуса Беринга, а также участников вновь организуемой Камчатской экспедиции во главе с Фёдором Ивановичем Соимоновым¹.

Поездка с отцом в Иркутск очень многое дала Тимофею Шмалеву, из книг узнал он новое о Крайнем Севере, лично познакомился с интересными бывалыми людьми и некоторыми видными деятелями того времени, служившими в Сибири.

Весной 1754 года, как только Лена очистилась ото льда, караван Шмалева на дощаниках и барках двинулся в Якутск.

СТОРОНУШКА ДАЛЬНЯЯ

В начале июня подошли к Якутску. Город открылся весь сразу. Прежде всего бросились в глаза городовые башни, да белокаменный монастырь. Башни соединялись высокими стенами, образуя огромный четырёхугольник, который и являлся собственно острогом. Но строения Якутска давно уже не уместались в его пределах, город разрастался вдаль и вширь.



Вид Якутска в XVIII веке.

¹ Ф.И. Соимонов (1682-1780) — учёный-гидрограф, видный государственный деятель. В 1740 году был сослан на вечную каторгу в Охотский солеваренный завод, но в 1741 году императрицей Елизаветой Петровной был освобождён и полностью реабилитирован. Однако Ф.И. Соимонов остался жить на Дальнем Востоке. В начале 1750 года он возглавил Нерчинскую экспедицию, в задачу которой входила организация сплава по Амуру. В 1757 году был назначен генерал-губернатором Сибири, позже стал сенатором. Деятельность Ф.И. Соимонова имела положительное значение в жизни населения Дальнего Востока и Сибири.

Заложен Якутский острог был в 1632 году енисейским сотником Петром Бекетовым с отрядом казаков. Но место для него сначала было выбрано, хоть и богатое соболями, но неудачное: правый высокий берег, на котором был построен острог, всё время подмывало, и острог разрушался. Поэтому в 1647 году его перенесли на левый низменный берег. С тех пор он больше никуда не перемещался.

В год приезда Шмалевых Якутск был уже довольно большим и многолюдным. В нём, кроме старой деревянной крепости с башнями и церковью, кроме казённых строений, было много обывательских деревянных домиков. Все эти домики были построены на русский лад, в окнах вставлена слюда, а кое-где натянута кожа из бычьего пузыря. Между русскими постройками виднелось множество якутских юрт. Надо всем выделялись две каменные церкви, одна из которых находилась в старом монастыре.

Якутский острог быстро занял главенствующее положение среди всех острогов Восточной Сибири. Уж очень выгодно он был поставлен. По Лене шло удобное сообщение с Иркутском — резиденцией генерал-губернатора Восточной Сибири, а с другой стороны отсюда удобно было отправляться в путь на Чукотку, к побережью Охотского моря и на юго-восток — к Удскому острогу, на Амур.

С момента основания острога и до описываемых нами событий именно в Якутске организовывались и отсюда отправлялись все северные и дальневосточные экспедиции. Из Якутска обычно они шли в Охотский острог, где в порту строились и выходили в поход суда.

На якутской пристани всегда былолюдно. На прибывший караван Шмалева особого внимания никто не обращал: частое это было дело. Причалившие дощаники и барки, покачиваясь, сталкивались друг с другом бортами. На некоторых шла разгрузка, другие спешно заполнялись товарами, снаряжением: готовилась очередная экспедиция в какой-нибудь отдалённый уголок края. По широкой Лене во всех направлениях сновали лодки-однодерёвки и плоскодонки, едва вмещавшие двух-трёх человек.

Иван Степанович отправился с визитом к якутскому воеводе вместе с обоими сыновьями. Поднявшись по берегу и пройдя по неширокой с деревянными тротуарами улице, они очутились перед восьмиугольной Сергиевской башней с проезжими воротами, ведущими в острог. Там

сразу, в каких-нибудь сорока саженьях от ворот, у городской стены стояла каменная воеводская канцелярия.

Воевода после взаимных приветствий и расспросов перешёл к делу, ознакомился с документами, дал советы и распоряжения. Затем Шмалев послал поручика Фёдора Образцова на реку Колыму с заданием найти и по возможности описать водный путь туда от Якутска. Сделав это, Иван Степанович принялся за устройство семейных дел. Поселившись временно в доме вдовы подьячего Авдотьи Семёновны Борисовой, у которой была дочь на выданье, Шмалев-отец решил женить своего старшего сына, которому уже исполнилось 18 лет. Сговор состоялся быстро. Позже об этом сам Тимофей Шмалев писал: «Меня женил тут бывшего в городе Якутске с приписью подьячего Ивана Андреева сына Борисова, а другое название Дауркина, у жены его вдовы Авдотьи Семёновой на дочери девице Парасковье Ивановой 3 июля 1754 года»¹.

Но уже через месяц после свадьбы, 1 августа 1754 года, сержант Тимофей Шмалев отправляется «с самонужнейшими представлениями в Тобольск, а от толь до Санкт-Петербурга в Государственную Военную коллегию»². Это было его первое самостоятельное поручение Уезжая, Тимофей на одиннадцать лет расстался со своим братом Василием, которого отец тоже отправил на самостоятельную службу сначала в Охотск, а оттуда на Камчатку.

Тимофей Шмалев выполнил задание с честью. Он передал Государственной Военной коллегии документы и сделал подробное сообщение о следовании отряда И.С. Шмалева в Якутск. Здесь, в Петербурге, 12 сентября 1755 года он был произведён в прапорщики.

Свободное от службы время Шмалев чаще всего проводил в библиотеках. Он продолжал знакомиться с историей края, где ему предстояло служить. Заходил он и в Адмиралтейств-Коллегию, где от каждого встречного веяло романтикой смелых походов, морских путешествий к неизведанным морям и землям. Друзья указывали ему прославленных морских капитанов и известных путешественников. Не раз встречал Тимофей у здания Морского Кадетского корпуса высокого, сутуловатого человека — директора этого корпуса Алексея Ивановича Нагаева, не подозревая, что через несколько лет этот известный учёный-гидрограф и

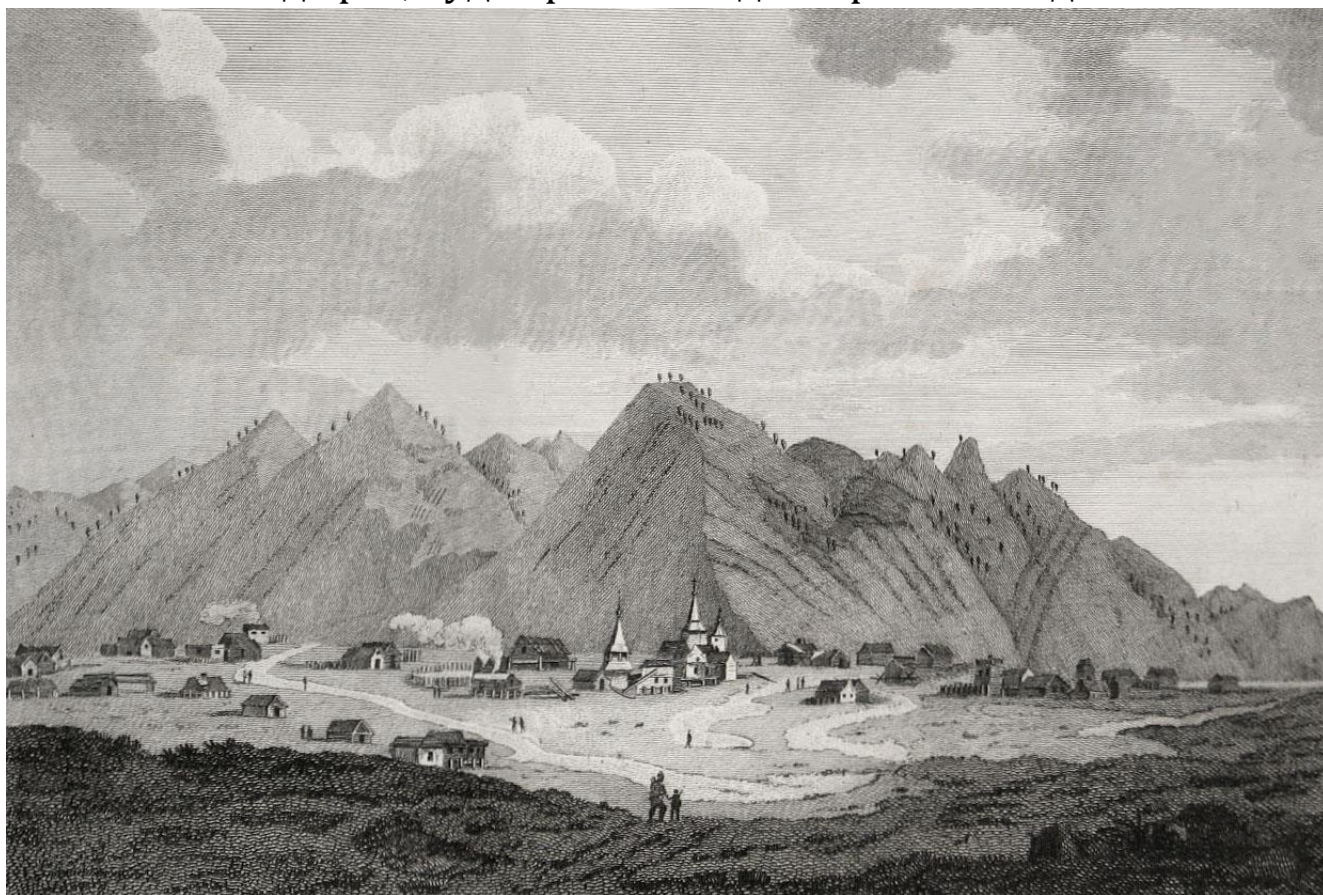
¹ ЦГАДА, портфели Миллера. 528. ч. I. д. 16, л. 3.

² ЦГАДА, портфели Миллера, 528. ч. I. д. 16. л. 6.

картограф будет беседовать с ним и с пристрастием расспрашивать о его жизни на Дальнем Востоке.

В начале 1757 года молодой прапорщик Тимофей Шмалев вернулся в Якутск. Родителей своих он уже здесь не застал. Ещё в 1755 году они отправились к месту назначения в Анадырский острог. По дороге мать братьев Шмалевых тяжело заболела. Узнав об этом, Тимофей хотел немедленно отправиться за матерью, но получил срочное задание доставить казённый провиант по реке Колыме в Нижне-Колымск. Когда Прасковья Алексеевна добралась до Якутска, Тимофей был уже далеко. Так и не оправившись после болезни и не увидев своих сыновей, Прасковья Алексеевна Шмалева 10 июня 1757 года скончалась.

Тимофей Шмалев, не возвращаясь в Якутск, отправился из Нижне-Колымска в Анадырск, куда прибыл 18 декабря 1757 года.



Вид Зашиверского острога на пути в Анадырск.

Анадырский острог, расположенный на небольшом островке в среднем течении реки Анадыря, уже имел свою историю. Он был основан в 1649 году Семёном Дежневым¹, который в течение многих лет был его

¹ С.И. Дежнёв (род. в 1605, умер в 1673 году) — выдающийся русский мореход. Прошёл морем в 1648 году из устья Колымы в устье Анадыря, открыв пролив между Азией и Сев. Америкой за 80 лет до открытия его В. Берингом.

первым и бессменным приказчиком. В середине XVIII века Анадырский острог являлся важным опорным пунктом России на краю азиатской земли. Отсюда совершались военные походы для приведения местных коренных жителей и особенно «немирных чукоч» под «высокую государствену руку», здесь происходил сбор ясака, отсюда в Якутск и далее в Россию доставлялось огромное количество «мягкой рухляди» и «рыбьей кости» — моржового клыка.

Кроме того, через Анадырский острог шёл сухопутный путь на Камчатку. Этим путём всё ещё пользовались, несмотря на то, что в 1717 году на Камчатку был открыт морской путь из Охотска. Однако в связи с этим значение Анадырского острога стало постепенно падать. К тому же с приведением всех местных народностей в русское подданство, особенно после походов Шестакова и Павлуцкого в 1727-1731 и в 1743-1747 годах, стало ясно, что Анадырский острог долго уже не продержится и надобность в нём отпадёт. Так именно и произошло в 1769-1770 годах.

Когда же Тимофей Шмалев прибыл в острог, он был приятно удивлён видом Анадырска. Он ожидал увидеть маленькое чукотское селение, а перед ним была окружённая высоким палисадом большая пятибашенная крепость «из тополевого лесу», длиною две версты и шириной в версту, с одними входными воротами. Внутри крепости среди обывательских домов возвышались здания канцелярии, церкви, разные хозяйственные постройки. За острогом, за крепостным забором, уже раскинулся новый посёлок, насчитывающий до 130 домов. Посреди этого посёлка тоже виднелась церковь. Это было удивительно! На самом краю русской земли стоял типичный русский острожек!

Между тем на Шмалева-отца очень тяжело подействовало известие о смерти жены. Вскоре он тоже серьёзно заболел и 17 марта 1758 года «от удушья и заложения груди» скончался.

После смерти И.С. Шмалева командиром в Анадырске временно стал поручик Кекеров. Тимофей Шмалев был назначен ротным командиром и находился на этой должности до 1760 года. Три года службы в Анадырске, многочисленные походы по Чукотскому краю за ясаком закаляли молодого офицера, позволили ему лучше узнать край, где он жил, изучить быт народа, познакомиться с представителями местного населения, от которых уже тогда он слышал рассказы о находящихся в море неведомых островах, о какой-то далёкой «Большой матёрой земле».

Служба была нелёгкой. В походах по неизведанному краю людям отовсюду грозила опасность, а зимой 1759 года всё население острога постиг страшный голод «за неимением провианта и прочих харчевых припасов». Из-за недостатка продовольствия в остроге свирепствовали болезни. Люди питались только рыбой, на промыслы которой, несмотря на суровое зимнее время, выходили все жители острога, в том числе и командиры. В апреле Кекеров с партией казаков вышел из острога и отправился за 300 вёрст на промысел рыбы и оленей. В этом походе участвовал и Тимофей Шмалев. «Принуждён был для пропитания находиться сам в промысле рыбном», так как «претерпевал крайнюю нужду и голод», — писал он впоследствии в челобитной императрице¹.



Вид Средне-Колымского острога

В 1760 году Тимофей Шмалев был послан «пешую хотьбою на лыжах» из Анадырска в Нижне-Колымск. Это был более чем тысячевёрстный путь! Трудно представить себе, сколько нужно мужества, воли, смелости и, наконец, просто физической силы, чтобы пройти на лыжах тысячу с

¹ ЦГАДА. портфели Миллера, 528, ч.1, д.16. л.6-об.

лишним вёрст по безлюдной тундре, не страшась лютых морозов и холодных обжигающих ветров!

Через месяц Тимофей Шмалев был в Нижне-Колымске. Здесь он прожил до 12 декабря 1762 года, исполняя обязанности коменданта «при воинской команде и ясашных тамошних народов».

Нижне-Колымский острог, расположенный на левом берегу реки Колымы, был основан в 1644 году первыми русскими казаками-землепроходцами Д. Зыряном и М. Стадухиным. В то время это был посёлок, в центре которого находилась деревянная, обнесённая забором крепость с церковью. Вокруг расположилось десятка четыре частных домиков и казённые строения, где размещался местный гарнизон в составе 70 человек.

Путешествия по Колыме и Чукотке — малоизвестному, неизученному краю, новые интересные сведения, услышанные из рассказов и почерпнутые из архивных документов того времени, события, происходящие на глазах у Тимофея Шмалева — всё это натолкнуло его на мысль записывать, собирать и систематизировать все эти материалы. Природные склонности к исследовательской работе помогли ему в таком решении. Возможно, что именно в этот период Тимофей Иванович Шмалев начал вести свои записи, которые превратились затем в многочисленные «Примечания».

В январе 1763 года Шмалев вернулся в Анадырск и опять был назначен ротным командиром. Теперь ему пришлось служить под начальством подполковника Федора Христиановича Плениснера¹, нового командира Анадырского острога, который прибыл сюда 6 января 1763 года.

Сибирский губернатор Ф.И. Соймонов, отправляя Ф.Х. Плениснера на новое место службы, дал ему предписание, в котором говорилось, что последний должен в числе всяких прочих обязанностей стараться привести чукчей в подданство и примирить их с коряками; отыскать ближайший путь от Анадырска к Пенжинской губе; послать два или одно судно из Анадырска к северу, к американским берегам для их осмотра; из Анадырска отправиться самому для осмотра дороги до Пенжинской губы и по прибытии на Камчатку принять от Недозрелова (командира в Большерецке) порученные ему дела и со своим мнением представить в

¹ Фёдор Христианович Плениснер (около 1711 - после 1779) — русский офицер, участник Великой Северной экспедиции. Был назначен в Анадырск из Якутска по указу Сената от 25 августа 1760 года.

Тобольск; осмотреть Курильские острова и стараться привести жителей их в подданство России; разведывать также те острова, с которых привозятся морские звери и позаботиться о хлебопашестве на Камчатке.

Из краткого содержания инструкции, данной Плениснеру, видно, что русское правительство проявляло большой интерес к своим дальневосточным владениям. Об этом же свидетельствует и такой знаменательный факт, что вопросами изучения Северо-Востока в то время занимался величайший русский учёный М.В. Ломоносов и даже «сочинил карту». Об этой карте упоминает Ф.И. Соймонов в письме к царице Екатерине II от 17 июня 1764 года. Он благодарит её за личное письмо к нему и за «секретную о найденных американских островах сочинённую господином Ломоносовым карту». Здесь же он высказывает предположение, что такое же богатство, как на Алеутских островах, есть и на «матёрой земле», которая лежит на одной параллели с Чукоткой¹.

Выполняя инструкцию Ф.И. Соймонова, новый командир Анадырского острога Ф.Х. Плениснер «для самоличного рассмотрения нравов и порядков» местных жителей летом 1763 года отправился на 13 больших байдарках с командой из 240 человек вниз по Анадырю. В этот поход с ним ходил и Тимофей Шмалев. Участвовал в нём и ставший впоследствии известным чукча Николай Дауркин².

Река Анадырь мелководная, по ней можно ходить только по полной воде, и то на шитиках³. Лишь 5 августа отряд добрался до устья реки Красной, которая тремя рукавами впадала в Анадырь. Ширина Анадыря здесь достигала 15 вёрст. На берегу большим лагерем расположились юкагиры, сюда же на 60 байдарках прибыли чукчи. Плениснер стал вести с ними переговоры, которые закончились довольно успешно. И юкагиры, и чукчи согласились принести ясак, но аманатов дать отказались. Впрочем, на этом Плениснер и не настаивал. После переговоров

¹ ЦГАДА. Госархив (24), д.34. л.6.

² Чукча Николай Дауркин (это имя было дано ему при крещении) (1734-после 1795) был взят в плен майором Д. Павлуцким во время его походов против чукчей и находился у него в качестве слуги. Ф.И. Соймонов назначил его переводчиком к Ф.Х. Плениснеру, с которым Н. Дауркин проработал много лет и побывал в различных походах и путешествиях. Впоследствии Дауркин стал известен сочинённой им «Картой Северо-Восточной Азии и Северной Америки», а также ценными сведениями, собранными об Аляске. За эти заслуги он был пожалован титулом дворянина. Дауркин участвовал также в экспедиции И.И. Биллингса и Г.А. Сарычева.

³ Шитик — вид лодки, к днищу которой, выдолбленному из одного цельного дерева, ивовыми прутьями пришивались боковые доски.

началась меновая торговля. «Куньи парки» и моржовая кость обменивались на медные котлы, железные топоры, ножи, копья, иглы. Большим спросом пользовался табак.

На этом месте отряд пробыл до 20 августа. Затем Плениснер и Шмалев отправились обратно в Анадырск, а остальные остались на урочище Чекаевом для промысла диких оленей. Этот промысел вёлся интересным способом. В мае — июне, когда вскрывалась река, олени, перебираясь вплавь через реку Анадырь, уходили с юга на север «от великово в тех южных местах оводу». Обратно они возвращались тем же путём в августе или в начале сентября. Олений сплав продолжался трое-четверо суток, животные плыли непрерывно и днём и ночью. В это время их били. Промысел обычно бывал богатый. Возвратившийся в сентябре в Анадырск отряд доставил тысячу туш свежего оленьего мяса.

Позже как Плениснер, так и Шмалев описали этот поход по Анадырю, дав первые подробные географические сведения о реке, растительности, населении.

Вскоре после похода по Анадырю Тимофей Шмалев был с Ф.Х. Плениснером в военной экспедиции, в задачу которой входило усмирение «бунтующего чукотского народа». Мы не знаем, как проявил себя в этом военном походе Тимофей Шмалев. Вероятно, что он так же, как и все, ревностно выполнял свои служебные обязанности, наводя «порядок» среди «бунтующих чукоч». Но интересно другое. Уже, видимо, тогда Тимофей Шмалев убедился в несправедливости отношения царской власти к туземному населению. Позже он писал в «Примечании... о причине происходивших у коряк с чукчами древней злобе...» о том, что начало этой распри положил следующий факт: «В 1751 году в летнее время от коряк сделался генеральный бунт, который якобы последовал от непорядочных к ним поступок анадырского командира капитана Шатилова и бития по щекам главного коряцкого князца Аквулана Адытова»¹.

В другой раз с горечью и негодованием Тимофей Шмалев замечает: «Бунтовщиками называть ещё непримирённый народ кажется несправедливо»².

В конце концов у него складываются определённые взаимоотношения с местным населением, которые он сформулировал следующим образом: «Со оного народу естли впредь с ним иметь дело и приводить их

¹ ЦГАДА. портфели Миллера, 528. ч. II, д. 9, л. 45

² Там же.

в верное подданство Её Императорского Величества следственно не скорою, а с великою торопливостью (то есть с большим терпением — А.А.), —

1-е — не требовать от них никаких аманатов,

2-е — ясаку,

3-е, ничего того, чтоб от них даром можно получить. — а ласкать и показывать дружество в дарах и пище...»¹

Этих правил по отношению к местным жителям Тимофей Шмалев придерживался во всей своей дальнейшей деятельности и потому пользовался с их стороны доверием и уважением.

ПУТИ РАЗОШЛИСЬ

С Василием Шмалевым мы расстались 3 августа 1754 года, когда он отправился из Якутска в Охотский порт, чтобы оттуда следовать на Камчатку. Путь из Якутска в Охотск был уже хорошо известен: впервые им прошла в 1639 году группа казаков, предводительствуемая Иваном Москвитиным.

Но хотя и прошло сто лет после похода Мооквитина, этот тысячевёрстный путь к морю был по-прежнему опасен и труден: дорога проложена ещё не была. Путешествие занимало несколько месяцев, особенно трудно было перебираться с грузами через горные перевалы.

Поэтому Василий Шмалев подъезжал к Охотскому порту уже поздней осенью.

Постройки порта и посёлка расположились на длинной, до трёх вёрст, и узкой, до полуверсты, дресвяно-песчаной кошке. После того как во время сильного наводнения в 1736 году река Охота в самом узком месте кошки пробила себе новое устье, Охотский порт очутился на острове, омываемом с юга Охотским морем, с запада — новым устьем реки Охоты, с востока — общим устьем рек Охоты и Кухтуя и с севера — основным руслом реки Охоты. Глядя на него, трудно было поверить, что это был тот самый Охотский порт, откуда снаряжались в путь знаменитые экспедиции Беринга: слишком уж был этот порт неудобен.

Прежде всего здесь не существовало гавани. Её заменял небольшой лиман, образованный общим устьем рек Охоты и Кухтуя. Вход в этот лиман был сопряжён с большими трудностями: его преграждал галечный

¹ ЦГАДА. портфель Миллера. 528, ч.II, д.7. л.9-об

барьер, который после каждого шторма и даже после половодья изменял своё положение и размеры. Войти в порт можно было только при полной воде, в прилив. Поэтому суда предпочитали отстаиваться на рейде. Мелкие же портовые суда, катера, каждый раз рискуя потерпеть аварии, чудом минуя барьер, производили разгрузку в невероятно трудных условиях. В порту, расположенном на морской наносной гальке, не было пресной воды, её привозили за три версты, из-за тяжёлых климатических условий и недостатка продовольствия население страдало от цинги.

Всё время велись разговоры о том, что порт следует перенести на другое место, организовывались экспедиции, составлялись проекты, но дальше дело не двигалось. Даже организация Нерчинской экспедиции во главе с Ф.И. Соймоновым, одной из задач которой являлось основание в устье Амура нового русского порта на Тихом океане, была в то время прекращена. Поэтому Охотск оставался пока единственным портом на Охотском побережье, и значение его в жизни края было немало важным.



Летняя станция по Охотскому тракту.

Порт в Охотском остроге был официально создан и оформлен правительственным указом в 1731 году после первой экспедиции Беринга.

Его первым командиром ещё при Петре I был назначен бывший директор Морской академии Г.Г. Скорняков-Писарев, сосланный в Сибирь из-за ссоры с всеильным тогда Меншиковым. Скорнякова-Писарева сменил также сосланный в Сибирь А.М. Девиер. В год прибытия в Охотск Василия Шмалева главным командиром порта, третьим по счёту, был премьер-майор Афанасий Зыбин.

За время деятельности этих командиров на пустынной кошке постепенно вырос городок. Он делился на две части: порт и экспедиционную слободку. На северной стороне были судостроительные верфи, где закладывались казённые суда. Лес сюда сплавлялся по рекам Охоте и Кухтую. Особой известностью пользовалось Соколовское плотбище по реке Кухтую, вокруг которого рос самый лучший строевой лес. В 14 верстах от устья Кухтуя расположился кирпичный завод. Здесь работали каторжники. Они же составляли основную рабочую силу солеваренного завода, где производилась выварка соли из морской воды.



Вид Охотского порта в XVIII веке

В центре острова, за высоким палисадом крепости, располагались канцелярия, дом командира порта, амбары, магазины. Здесь же стояла церковь. Несколько частных домов охотской администрации дополняли картину крепости. Жилые дома казаков, мореходов, корабельных мастеров стояли вдоль острова, образуя широкую галечную улицу. За последнее время здесь стали появляться солидные купеческие дома.

Василию Шмалеву всю зиму пришлось провести в Охотске. Зыбин определил его ротным командиром. Затем Василий Шмалев отправился на швертботе «Св. Елизавета» к месту нового назначения — на должность ротного командира в Гижигинскую крепость.

В плавании экипажу швертбота не повезло. Из-за густого тумана штурман не смог найти подходы к Гижигинской губе. Тогда было решено высадить Шмалева с командой у Верхоламского мыса. Но здесь солдатам и матросам оказали сопротивление коряки. Пришлось вернуться на судно. Не найдя входа в Гижигинскую бухту, капитан потерял ориентировку и не знал, куда направить судно. Больше месяца носило «Св. Елизавету» по Охотскому морю и, наконец, выбросило на камчатский берег между реками Облукоминской и Крутогоровой. К счастью, всё обошлось благополучно, судно и люди остались невредимыми.

Вскоре добрались до Большерецка. Большерецкий острог был к этому времени самым крупным населённым пунктом Камчатки — её административным центром. Удобное расположение острога на островах реки Большой делало его морскими воротами Камчатки.

Вот описание его, относящееся к 90-м годам XVIII века: «Он лежит на берегу Большой реки на небольшом острове, окружённом разными рукавами сей реки, которые разделяют сей город на три, более или менее населённые части; самая дальняя, находящаяся к востоку, представляет вид предместья, называется Парашиным островом, заключает в себе от десяти до двенадцати изб. Оттуда к юго-западу от Парашиного острова в средней части очень много изб и ряд деревянных шалашей, которые служат вместо лавок; против них присутственное место (в сём доме сверх того есть тюрьма для колодников и народное училище для детей; учителем в оном японец, знающий многие языки, которому правительство за научение детей той страны определило жалование); сей дом более прочих и при нём всегда стоит караул. Второй небольшой рукав Большой реки отделяет малую часть земли, на которой жилища построены без всякого порядка в разных местах; а на третьей части сего местечка представляется куча строений, разбросанных близ реки, которая течёт в сей части с юго-востока на северо-запад в пятидесяти шагах от комендантского дому. Сей дом очень отличен от прочих; он выше всех, больше и построен на вкус деревянных домов в Санкт-Петербурге. В двустах шагах к северо-востоку от жилища комендантова стоит церковь простого строения, подобного всем церквям, находящимся в Российских сёлах, возле которой на столбах, покрытых только крышкою, висит три

колокола. К северо-востоку от жилища комендантова есть ещё частица сего местечка, отделяющаяся от сего дому лугом или болотом величиною около трёхсот шагов и заключающая от двадцати пяти до тридцати изб и нескольких балаганов. Вообще кроме сих трёх последних жилищ есть ещё в Большерецке очень мало, и не более десяти изб; впрочем все строения или дома суть избы, коих всех около шестидесяти, не считая осьми лавок, канцелярии и комендантского дому»¹.

В Большерецке Василий Шмалев был определён «у предосторожности при команде командиром» в Тигильскую крепость, куда и отправился вместе со своей командой.

Расположенная на реке того же названия Тигильская крепость была выстроена в 1752 году поручиком Холмовым. Она представляла довольно внушительное сооружение, рассчитанное на долговременную осаду. Крепость была обнесена стоячим тыном в 1¾ сажени высотой; вместо четвертой стены было построено две казармы с бойницами. Крепость играла роль передового форпоста на границе Камчатки с «Коряцкой землицей».

По прибытии на место Василию Шмалеву сразу же пришлось принять участие в боевых действиях против не желающих покоряться русскому владычеству местных народностей. Надо отметить, что в отличие от своего гуманно настроенного брата Василий Шмалев был настроен воинственно против всех туземцев и в походах всегда ревностно выполнял все приказы начальства.

По делам службы Василий Шмалев не раз выезжал в Охотск. Здесь в 1761 году он женился на Прасковье Васильевне Щельниковой, дочери поручика Василия Щельникова, служившего в Охотске. Жену Василий Шмалев забрал с собой на Камчатку, где он в это время продолжал служить, но уже в Нижне-Камчатском остроге.

За десять лет жизни на Камчатке Василий Шмалев избороздил этот полуостров вдоль и поперёк. Участвуя в военных походах против чукчей, коряков, камчадалов, он хорошо знал их быт и нравы. Он был свидетелем того, как многие суда отправлялись из Нижне-Камчатска на Курилы, Алеутские острова и к берегам Америки. Он лично встречался и беседовал с известными купцами-мореходами Снегиревым и Бурениным, награждёнными Екатериной II Золотыми медалями за открытие в

¹ Ж.-Б. Лессепс. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири, ч.1, СПб, 1801, стр.74-76.

Алеутской гряде островов Умнак и Уналашка. А 21 сентября 1760 года В. Шмалев провожал в далёкое плавание купца и морехода Андреяна Толстых, открывшего на этот раз шесть новых островов Алеутской гряды, названных по его имени Андреяновскими.

Так же, как и его старший брат, Василий Шмалев не остался безучастным ко всему происходящему вокруг него. Он понял, что является свидетелем исторических событий, и стал вести записи, заметки по самым различным вопросам истории Камчатки и Алеутских островов. В этом ему многое давала переписка с братом Тимофеем, который в каждом письме убеждал его собирать сведения, документы, записывать рассказы очевидцев, вести наблюдения.

Тем временем в жизни Тимофея Шмалева тоже произошли перемены. Ф.Х. Плениснер был назначен Главным командиром Охотского порта и Камчатки и произведён в полковники. Отправляясь в начале 1764 года из Анадырска в Охотск, он взял с собой и Тимофея Шмалева, которого предполагал оставить в Охотске ротным командиром. Из Анадырска в Гижигинск ехали на оленях, на лыжах, а порою двигались «пешую хотьбою». В Гижигинске Т. Шмалеву пришлось заниматься разбором самых разнообразных жалоб, челобитных, всяких тяжб и других спорных вопросов или, как сам он выразился, «разных следственных и криминальных по той крепости дел».

Покончив с ними, Ф.Х. Плениснер и Тимофей Шмалев на бригантине «Св. Екатерина» отплыли в Охотск. Но в это время Охотское море неспокойно, начались штормы, судно потеряло ориентировку. В расчёте на короткий переход от Гижигинска до Охотска командир судна не запасся достаточным количеством продовольствия и питьевой воды. Люди мучились от голода и жажды. Началась цинга и другие болезни. Тимофей Шмалев вдоволь хлебнул суровой морской жизни.

Один из пассажиров, гижигинский священник Иван Трифонов, впоследствии так выразил впечатления от этого плавания по бурному Охотскому морю:

«Ничто так в свете, как море, не верно,
Непостоянно и лживо безмерно;
Что пред морскими земные напасти,
Зело пристрашны морские все страсти...»¹

¹ ЦГАДА, портфели Миллера, 539, ч.II, д.6, л.22.

Только спустя месяц судно вместо Охотска оказалось у берегов Камчатки и вошло в устье реки Воровской. Тимофей Шмалев с отрядом в 50 человек отправился пешком в Большерецк. Плениснер поручил ему главное командование острогом. Но и тут не суждено было ему остановиться. Оказалось, что командиром в Большерецк уже прибыл другой офицер.

Но здесь его всё-таки ждала большая радость: вскоре вместе с Плениснером в Большерецк прибыл его брат Василий. Около месяца братья были вместе, и после одиннадцати лет разлуки разговорам и расспросам, казалось, не будет конца.

Немного времени спустя Тимофей из Большерецка отправился в Нижне-Камчатский острог, куда был назначен командиром, а Василий в июне 1765 года вместе с Ф.Х. Плениснером отплыли в Охотск, где младший Шмалев получил должность командира всей сухопутной, морской и адмиралтейской, команд.

В ГУЩЕ СОБЫТИЙ

Вскоре Тимофей Шмалев стал командиром над всеми регулярными и нерегулярными командами Нижне-Камчатского и Верхне-Камчатского острогов. Оба эти острога с каждым годом становились всё крупнее, росли, расширялись, значение их в жизни края всё увеличивалось. Так, в Верхне-Камчатском остроге жители, кроме лесозаготовок, судостроения, успешно занимались земледелием; здесь была лучшая на полуострове земля.

Нижне-Камчатский острог стал центром, где снаряжались и откуда отправлялись как государственные, так и купеческие экспедиции, совершались походы промышленных людей к Алеутским островам и берегам Северной Америки. Таким образом, почти во всех наиболее интересных событиях, происходивших тогда на Камчатке, Тимофей Шмалев принимал непосредственное участие.

Кроме своих официальных обязанностей, Тимофей Иванович по-прежнему собирал различные документы, материалы по истории и географии края, вёл записи. В Нижне-Камчатске он неоднократно встречался с известными мореходами, такими как, например, уже упоминавшиеся нами Андреян Толстых и Никифор Трапезников, и со многими другими мореходами, купцами, казаками, которые или готовились к экспедиции, или возвращались из неё. Поэтому в то время, пожалуй, не

было другого человека, лучше осведомлённого о всех русских географических открытиях в северной части Тихого океана.

1765 год был особенно богат различными экспедициями. Летом в Нижне-Камчатск прибыл галиот «Св. Екатерина» под командованием лейтенанта Ивана Синдта, одного из опытейших морских офицеров Охотской флотилии. Ещё гардемарин он участвовал в экспедиции Беринга и с тех пор прочно связал свою жизнь с Дальним Севером. Синдт прибыл в Нижне-Камчатск, выполняя приказание прежнего генерал-губернатора Сибири Ф.И. Соймонова, который предписал ему отправиться к северо-западным берегам Америки и подробно их описать.

В Нижне-Камчатске Синдту пришлось зазимовать, так как судно нуждалось в ремонте. Тимофей Шмалев принимал все меры, чтобы оказать ему помощь. В течение зимы основной ремонт был произведён, и весной «Св. Екатерина» ушла в плавание.

Несмотря на то, что Синдт не нашёл берегов Америки, плавание его заслуживает внимания. Синдт регулярно производил океанографические исследования, открыл несколько островов, в том числе остров Матвея.

В сентябре 1766 года «Св. Екатерина» после трудного плавания возвратилась в Нижне-Камчатск. И Шмалев снова энергично организовал ремонт этого судна.

В то же время Тимофей Шмалев придавал большое значение развитию на Камчатке хлебопашества. С этой целью он бесплатно и безвозмездно отдал крестьянам весь казённый скот, сельскохозяйственные орудия и семена. В то время это, конечно, не могло привести к ощутимым результатам, но сам по себе факт положительно характеризует деятельность Тимофея Шмалева. Недаром в 1911 году в «Русском биографическом словаре»¹ о нём писали: «Шмалев, несмотря на неблагоприятные условия, заботился о распространении между крестьянами земледелия и скотоводства, для чего раздавал им безвозмездно отпущенные правительством семена, скот и земледельческие орудия. Среди распущенной и жестокой администрации Камчатки Шмалев выгодно выделялся гуманным обращением с инородцами и крестьянами».

Сведения о всё новых и новых русских открытиях в Тихом океане заставляли правительство принимать меры, чтобы официально закрепить эти открытия. В этот период много инициативы было проявлено

¹ Записки гидрографического департамента, ч.Х, 1852, стр.73.

со стороны сибирского губернатора Д.И. Чичерина. После того как Степан Глотов и Савва Пономарёв, отправившись в 1758 году из Нижне-Камчатска, достигли островов Умнак и Уналашка, привели там местных жителей в русское подданство и возвратились на Камчатку, привезя с собой много мехов, моржовой кости, богатый ясак, Д.И. Чичерин настойчиво предлагал Екатерине II послать «на промышленные суда морских офицеров, которые, ни в чём не препятствуя промыслам, вели бы обстоятельные журналы и описания путешествиям»¹. Он же впервые предложил организовать экспедицию для исследования Алеутских островов.

М.В. Ломоносов, который занимался в это время вопросом о посылке экспедиции В.Я. Чичагова для отыскания северного морского пути из Архангельска через Берингов пролив в Китай и Индию, горячо поддерживал инициативу Чичерина. В результате одновременно с решением вопроса об экспедиции В.Я. Чичагова правительство признало целесообразным организовать экспедицию для исследования и нанесения на карту Алеутских островов и северо-западных берегов Америки под руководством П.К. Креницына (1765-1770).

В октябре 1765 года Охотск встречал членов экспедиции П.К. Креницына. Поскольку Василий Шмалев был в Охотске «у всей сухопутной морской и адмиралтейской команде в должности адъютантской», то именно ему пришлось заниматься распределением команды в Охотске и тем, чтобы ускорить строительство заложенных ранее судов, и множеством разных дел, связанных с организацией экспедиции.

Суда для экспедиции — бригантина «Св. Екатерина» и галиот «Св. Павел» — были готовы к лету 1766 года. К ним были присоединены находившиеся в Охотске суда — галиот «Св. Павел» и бот «Св. Гавриил».

10 октября 1766 года, несмотря на начавшиеся осенние штормы, Креницын решил отправиться в плавание. Но плавание сразу же оказалось неудачным. Хотя три судна сумели добраться до Камчатки, но здесь при входе в устье, все они потерпели аварию и были выброшены на берег. Четвёртое судно — галиот «Св. Павел» вынесло через 1-й Курильский пролив в Тихий океан и там носило до 21 ноября. Наконец судно подошло к Авачинской губе, но войти в неё не смогло, так как она уже замёрзла. Сильный шторм снова отбросил галиот в океан. Почти полтора месяца носило несчастных моряков в океане и, наконец, в январе 1767 года выбросило на камни 7-го Курильского острова. Из сорока

¹ Записки гидрографического департамента, ч.Х, 1852, стр.73.

трёх членов экипажа в живых осталось тринадцать. С большим трудом, благодаря помощи местных жителей, добрались они до Болбшерецка летом 1767 года.

К этому времени в Большерецке были отремонтированы два судна: бот «Св. Гавриил» и галиот «Св. Павел», на которых П.К. Креницын и вышел в Нижне-Камчатск.

6 сентября поручик Тимофей Шмалев (этот чин ему был присвоен 1 января 1767 года) встречал экспедицию П.К. Креницына в Нижне-Камчатске. Но в каком ужасном состоянии были прибывшие суда! Бот «Св. Гавриил» еле держался на воде, никакой ремонт здесь уже не мог помочь. На совете офицеров было принято решение заменить этот бот галиотом «Св. Екатерина», на котором плавал Иван Синдт.

Перед Тимофеем Шмалевым встала также задача в самый кратчайший срок обеспечить экспедицию необходимыми припасами, и он «для этой экспедиции надобностям отправление и вспоможение со усердием чинил».

Поручику Василию Шмалеву (как и Тимофей, он в 1767 году был произведён в этот чин) также пришлось немало поработать в связи с этой экспедицией. Когда из Большерецка были получены первые сведения о плавании Креницына, то полковник Плениснер отправил с этими «самонужнейшими делами» Василия Шмалева в Тобольск к губернатору Д.И. Чичерину. Но в Тобольске губернатора не оказалось, и Шмалев отправился в Москву. Обрато он возвращался вместе с Чичериным. Правительство было очень обеспокоено неудачным началом широко задуманной экспедиции. Были даны указания не останавливаться ни перед чем, чтобы довести её до успешного конца. Губернатор Чичерин, как инициатор этого мероприятия, проявлял особое усердие. Василия Шмалева он немедленно отправил в Якутск, чтобы на месте «проталкивать» все дела, связанные с экспедицией, и организовать отсюда доставку продовольствия, припасов, снаряжения в Охотск. В. Шмалев успешно справился с возложенным на него поручением. 20 июня 1770 года он рапортовал Креницыну о положении дел с отправкой материалов¹.

За образцовое выполнение задания Василий Шмалев 14 января 1771 года был пожалован чином капитала и назначен после возвращения в Охотск плац-майором и командиром всей регулярной и нерегулярной охотской команды.

¹ ЦГАВМФ, фонд Беринга, д.63, л.292-об.

Тем временем Тимофей Шмалев по-прежнему был занят подготовкой экспедиции Креницына в Нижне-Камчатске. Когда же, наконец, она была готова к выходу, Пётр Кузьмич Креницын отправил Тимофея Шмалева к сибирскому губернатору с рапортом и подробными донесениями.

27 июня 1768 года Тимофей Иванович на купеческом судне отплыл из Нижне-Камчатска в Охотск. Надо отметить, что Тимофей Шмалев по-прежнему вёл свои записи и именно в этой поездке завершил подробное описание морского побережья от Охотска до Петропавловской гавани.

В этой «Описи» так говорилось о берегу от мыса Лопатки до Авачинской губы, мимо которого шло судно:

«От Лопатки по берегу болшова, а называемого Бобрового моря до Петропавловской гавани или реки Авачинской, которая уже везде известная. А в оную гавань или нутреннюю губу втекают небольшие две реки, зовомые одна Паратунка, а другая Авача, в коих рыбы из моря идущей в лётную пору бывает довольно. Расстояния между Лопаткою и Гаванью 250 вёрст, езда подле моря тундрою и гористою. Лесов берёзнику сплошь, рек нету и жила (*жилья* — А.А.) никакого ж нету. По морю бобровой промысел, а звериною промыслу соболей, лисиц предовольное множество. В берёзниках сладкой травы и черемши везде довольно ж, ягод и всяких к пище человеческой кореньев везде довольно ж. А на Авачинской гаване живут камчадала, то ж и русские люди; пропитание им рыбою и зверем морским и земляным и протчим довольно, промыслы тут звериные достойныя»¹.

Добравшись до Якутска, Т.И. Шмалев заболел, и ему пришлось прожить здесь всю зиму. Но как только вскрылась Лена, ранней весной 1769 года, он поспешил в Тобольск.

Губернатор Д.И. Чичерин, ознакомившись с материалами, доставленными Т.И. Шмалевым, решил послать его дальше, в Петербург. Характеризуя Т.И. Шмалева, Чичерин сообщал в реляции царице, что этот офицер «продолжал безотлучно семнадцать лет в Анадырской партии в отдалённейших местах службу, о всех тамошних обстоятельствах так сведом и знающ, что ежели удостоен будет предстать пред Ваше Императорское Величество, может обо всём основательно и ясно донести; а особливо о американской земле, лежащей против Чюкоцкого носу, о которой он от бывших на той земле известен»².

¹ ЦГАДА, портфели Миллера, 539, ч.1, д.13, лл.1-34

² ЦГАДА, Госархив (24), д.252, л.2.

Александръ Ивановичъ,

Богородице вѣнчанъ Тодаръ копилъ

Самое общее предположение

Безопасности и т.д.
Многие из них и т.д.

30. ИЮН
1773. Года.
Генерал-Коммунар оутверд.

6 марта 1770 года Т.И. Шмалев выехал из Тобольска. Вместе с ним ехали сотник Федор Лобашков с донесением о том, как вместе с группой офицеров-геодезистов он исследовал Медвежий острова, а также крещёный алеут Осип Арсентьевич Кузнецов, которого Тимофей Иванович взял с собой ещё из Нижне-Камчатска.

История этого алеута была такова. Когда до царского двора дошли слухи об открытии Алеутских островов, и когда затем они были присоединены к России, то Екатерина II пожелала увидеть хотя бы одного из коренных жителей этих островов и приказала губернатору Сибири прислать такового в Петербург.

Выбор пал на Осипа Кузнецова, который давно уже жил в Нижне-Камчатске и пользовался здесь большой известностью. Его привезли с острова Атта. Там он был взят русскими промышленниками в качестве аманата. Возвратить его обратно не удалось, и он, прожив зиму в Нижне-Камчатске, выучил русский язык, был крещён, ходил в плаванья вместе с купцами, промышленниками и служил им переводчиком «толмачом». И как отмечал Чичерин в своей реляции, «те суда, на которых он был во время бытности на Алеутских островах, тамошних жителей, в согласие с нашими склонил, которые без всякой опасности там жили и безвредно с хорошою добычею возвратились в Камчатку»¹.

В Санкт-Петербурге Тимофей Шмалев прекрасно справился со своим ответственным заданием. Он был представлен императрице Екатерине II, рассказал о дальневосточных делах и представил ей жителя далёких таинственных Алеутских островов — алеута Кузнецова.

Подробнейший доклад пришлось сделать ему в Адмиралтейств-Коллегии. Там интересовались не только экспедицией П.К. Креницына, а буквально всеми дальневосточными делами, и Тимофей Шмалев смог полностью удовлетворить всеобщее любопытство, так как был не только очевидцем и участником, но и летописцем многих событий тех лет на Дальнем Востоке.

Особенно волновался Тимофей Иванович, когда его вызвал к себе адмирал Нагаев. Во время визита Шмалев информировал его о подготовке экспедиции П.К. Креницына. Вернувшись домой, Шмалев выслал Нагаеву «о здешнем нынешнем Камчатке состоянии краткое примечание»².

¹ ЦГАДА, Госархив (24), д.252, л.1-об.

² ЦГАДА, портфели Миллера, 539, ч.I, д.1-а, л.11.

Екатерина II именным указом от 15 июля 1770 года произвела его в капитаны, а Осип Кузнецов был награждён медалью и кафтаном.

Знания Т.И. Шмалева в области географии и истории края были так обширны, что Екатерина II сочла необходимым направить его в Москву к историографу Г.Ф. Миллеру¹. После беседы с Миллером Тимофей Шмалев, а затем и его брат Василий стали его постоянными корреспондентами.

Переписка с Миллером давала им возможность не только фиксировать события, но и высказывать свои собственные суждения о мерах по развитию края, укреплению его обороноспособности, о создании русских поселений на Алеутских и Курильских островах и о ряде других проблем.

Со своей стороны Миллер был очень доволен знакомством с Тимофеем Шмалевым. Вместе они обсуждали вопрос об экспедиции к берегам Америки для подробного их описания. Шмалев вызывался возглавить подобную экспедицию, и Миллер в одном из писем в Петербург сообщал, что «вышеписанный капитан Шмалев яко человек ревностию к услугам отечеству исполненной, и Анадырских стран весьма сведомой, способным мне казался к давно намеряемому, а никогда ещё не произведённому в действо, морскому ходу из устья реки Анадыря до противолежащего ближнего Американского берега, что называется матёрою землёю, а оттуда ему следовать подле оногo берега в южно-восточную сторону, покуда сойдётся с Российскими людьми, на далечайших островах беспрестанно промысла продолжающим»². Почему не было осуществлено это важное мероприятие, осталось неизвестным.

Поездка в Петербург и встреча с известным историком окончательно убедили братьев Шмалевых в том, что, собирая материалы, они делают полезное дело. С этих пор Шмалев регулярно отправляет письма Миллеру, Нагаеву и Соймонову.

В Тобольске Шмалев встретился с возвращавшейся под руководством М.Д. Левашова экспедицией Креницына и с огорчением узнал, что сам Пётр Кузьмич Креницын трагически погиб 4 июля 1770 года, утонув в реке Камчатке.

¹ Г.Ф. Миллер (1705-1783) — историограф, академик. Известен как собиратель различных ценных материалов по истории, экономике, географии, этнографии Сибири, где пробыл с 1733 по 1743 год.

² ЦГАДА. Госархив (24). д.53. л.1-об-2.

Прибыв в Иркутск в октябре 1771 года. Т.И. Шмалев узнал о своём назначении Главным командиром в Большерецк и выехал в Охотск, откуда на бригантине «Св. Екатерина» отправился к месту своего назначения, а 16 июня 1772 года приступил к исполнению обязанностей Главного командира Камчатки.

СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ

Как уже известно, Т.И. Шмалев исполняя свои служебные обязанности, ни на минуту не упускал возможности собрать материалы как в местных архивах, так и от участников различных экспедиций. Прибыв на Камчатку, Тимофей Иванович развернул ещё большую деятельность в этом направлении. Уже 30 июня 1773 года он сообщил Миллеру, что много сделал и обещал, что ещё больше сделает впредь¹.

Оба брата — один в Охотске, другой на Камчатке — тщательно разбирали архивы, расспрашивали старожилов и «всевидцев», бывших на дальних землях и островах, и, наконец, сами описывали виденное. А на этот раз Т.И. Шмалев даже официально разослал во все остроги и крепости «вопросные пункты» по истории и географии тех мест.

Так, в частности, коменданту Гижигинской крепости капитану Пересыпкину он писал: «В рассуждении той надобности для отечества и общенародной пользы по прибытии моём в Охотске отчасти потребные для истории по разным материям дел мною несколько и собрано, а к дополнению ведённого мной порядка за потребное признал сим сообщением от вашего благородия присылкою по приложенным у сего пунктам требовать усердного споможения»². За этим следовало 49 вопросов, относящихся главным образом, к истории Анадырского острога и Гижигинской крепости.

Как правило, на все вопросы Шмалева следовали состоятельные ответы. Так, например, капитан Пересыпкин 21 октября 1773 года прислал самые подробные ответы по всем 49 пунктам³.

Интересно, что Шмалев никогда не принимал на веру присылаемых ему материалов. Он тщательно просматривал их, проверял по архивным данным и обязательно «сочинял прибавление». Так к вышеуказанным ответам «прибавление» носило такое название: «Краткое примечание,

¹ ЦГАДА, портфели Миллера, 539, ч. I. д. 1-а. л. 9.

² ЦГАДА, портфели Миллера. 528. ч. II, д. 3. л. 1.

³ Там же, л. 35.

учинённое капитаном Тимофеем Шмалевым на полученный по требованию ево Гижигинской крепости от командира капитана Пересыпкина на запросы ответы что во оных следственно было припомнить и в чём согласно или сумнительно с некоторыми изъяснениями, в рассуждении действительной тех народов знания обычаев к тому ж либо от достоверных людей и самовидцев включены объявления»¹. Такое «краткое» примечание Шмалева лишь немного уступало по объёму самим ответам.

Между тем Главным командиром Камчатки Тимофею Шмалеву пришлось служить недолго. В столице о его заслугах, видимо, быстро забыли. Кроме того, незнатное происхождение не позволяло утвердить его в такой высокой должности.

Поэтому 12 октября 1773 года на Камчатку прибыл премьер-майор Магнус Карл Бем с большими полномочиями и правами. Правда, в инструкции Бему говорилось, что «Как вы с самого приезда задолжены быть многими по должности вашей во исполнение по сей инструкции и другим указам затруднениям, то за нужное ж, а паче и за необходимо почитаю, в ту Большерецкую канцелярию вспоможение себе ко исправлению земских дел вообще с вами присутствие определить предписанного капитана Шмалева, яко знающего тамошние обычаи»².

Бему предписывалось заводить торг с Японией и жителями Курильских островов, описывать последние и, если необходимо, то разрешалось организовать экспедицию.

В последней инструкции, данной Бему иркутским генерал-губернатором Брилем, указывалось, что в ведении Камчатского командира находятся не только Камчатка, но и Гижигинская крепость, «Курильские и другие близ Камчатки лежащие острова».

Особое внимание обращалось на Курильские острова, о которых говорилось, что «при хорошей погоде, с острова Матсмая³ японцы перебегают на 22 остров в сутки, и напротив, мохнатые курильцы с этого острова на байдарах ходят на Матсмай для торговли. Чтобы проверить эти показания, необходимо построить в Камчатке судно и послать его под видом звериного промысла па Курильские острова, а смотря по обстоятельствам и до Матсмая».

Вступив в свои права, Бем не пожелал воспользоваться услугами Т.И. Шмалева. С болью душевной сообщает об этом Шмалев в письме к

¹ Там же. д.7. л.1.

² ЦГАДА, Госархив (24), д.54, л.5.

³ Современное название — остров Хоккайдо.

Миллеру 18 октября 1774 года из Охотска: «В Камчатку прибыл по именному соизволению Главным командиром из Петербурха отправленной г-н премер-майор Бем из Лифляндии а я хотя и определён по инструкции ему был в товарищи но он принять не изволил и тако я возвратился сюда к команде своей»¹.

Эта несправедливость так подействовала на Тимофея Ивановича, что он решил подать прошение об отставке. За отставкой он отправился в Иркутск, но остановился в Охотске, так как здоровье его сильно пошатнулось.

Из Гижигинска до Охотска Т.И. Шмалев добирался сухопутным путём. Интересно описание мест, через которые в то время проходил этот сухопутный маршрут. Первым и относительно крупным населённым пунктом был Ямской острог, стоявший на берегу Ямы-реки в десяти верстах от устья. В остроге, окружённом обычным для тех мест четырёхугольным палисадом, помещалось до 25 деревянных домов, в которых проживало до 20 семейств. Церковь и здание канцелярии дополняли привычную картину острога. Несмотря на хороший рейд, подход к берегу затруднялся множеством подводных камней, и только штурманы, хорошо знавшие берег, осмеливались войти сюда.

Следующим местом остановки был Сигланский острог. Он почти ничем не отличался от Ямского. В 140 верстах от Сиглана по тракту, около устья реки Олы расположилась деревушка того же названия. На берегу стояло с десяток юрт — вот и вся тогдашняя Ола.

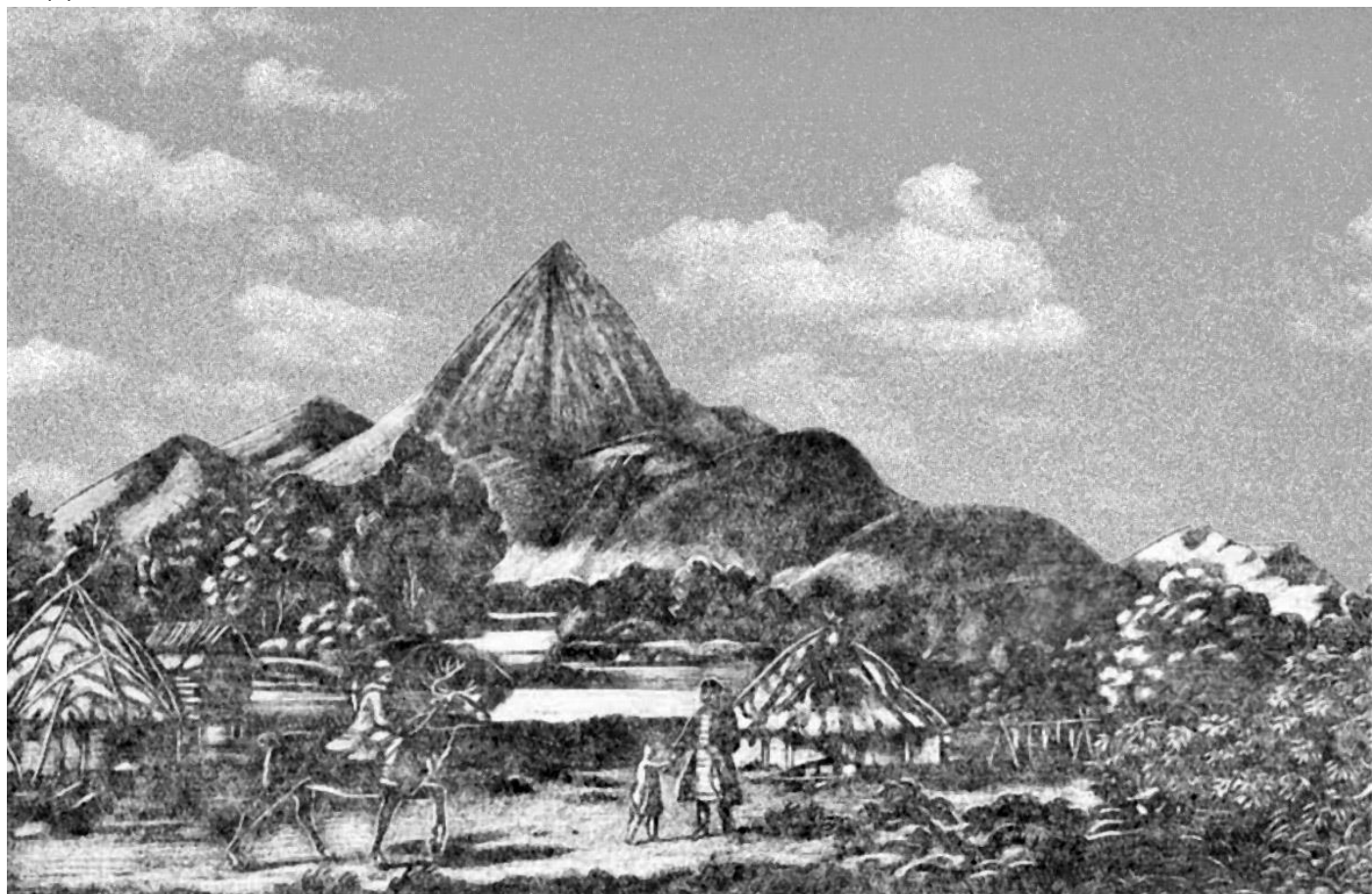
Ещё меньше была следующая деревушка Армань. Две юрты, одна летняя, а другая зимняя, составляют всю деревню Армань», — писал о ней один из путешественников того времени. Дальше лежал Тауйский острог, расположенный на реке Таун. Это был один из древнейших острогов, основанный русским казаком-землепроходцем Михаилом Стадухиным в 1651 году. В XVIII веке здесь было около 20 изб, церковь и большой амбар, в котором хранились подати. Гарнизон острога состоял из 15 солдат во главе с сержантом. Тут же жило два — три десятка якутов и коряков.

Своим выгодным положением среди острогов особенно отличалась деревня Иня. Она стояла на отличном пойменном месте, в устье широкой спокойной реки. Это было богатое селение, где жили в основном

¹ Там же, портфели Миллера. 539, ч.1. д.1-а, л.12.

русские и якуты. Дома строились хорошие, добротные. В деревне имелся конный завод, насчитывавший до двухсот лошадей.

Итак, миновав все эти населённые пункты, 10 июля 1774 года Т.И. Шмалев прибыл в Охотск. В отставке ему было отказано, и он принял должность командира роты и полицмейстера. Здесь, в Охотске, впервые за все долгие годы службы на Дальнем Востоке оба брата до июля 1776 года оказались вместе.



Вид побережья Охотского моря вблизи мыса Шилкап.

Этот период был особенно плодотворным в их деятельности: совместно они написали ряд интересных работ.

70-80-е годы XVIII столетия были годами небывалого расцвета деятельности русских купцов и промышленных людей на Севере-Востоке. В эти годы начали создаваться крупные промысловые и торговые компании Голиковых, Лебедева-Ласточкина и другие. Пожалуй, невозможно перечислить все промышленные и казённые суда, уходившие в эти годы из Охотска в дальние плавания по Охотскому морю и северной части Тихого океана. Но на первом плане были, конечно, в то время экспедиции Г.И. Шелихова, с именем которого связана новая страница в истории освоения северо-восточных земель.

Г.И. Шелихов (1747-1795) возглавил ряд промысловых экспедиций в северную часть Тихого океана, исследовал Алеутские острова и остров Кадьяк, где основал русские поселения, обучал местных жителей ремёслам и земледелию. Он также добрался до Аляски и исследовал часть её побережья. Позже он стал основателем монопольной Российско-Американской компании.

С братьями Шмалевыми его связывали не только деловые (Тимофей и Василий в связи с занимаемыми должностями принимали непосредственное участие в организации его экспедиций), но и хорошие товарищеские отношения. Возвращаясь после одной из своих поездок в Петербург, Шелихов привёз Тимофею Ивановичу посылку с книгами от Миллера¹, а в своей книге² он так отозвался о братьях Шмалевых: «...за долг почитаю благодарность мою перед всеми изъяснить двум достопочтенным мужам, государству и отечеству несколько уже лет беспорочно служащим, капитанам родным братьям Тимофею и Василию Шмалевым, за охранение меня от всяких опасностей и рассуждений тамошних диких жителей, которые тогда один в Тигильской крепости, а другой между Тигилем и Инжигинским городом, у коряк для усмирения в Каменском селении корятских и чукотских орд пребывание имели».

Но как мы уже отмечали выше, главным в жизни братьев в тот период стала их деятельность по собиранию материалов, связанных с историей, географией и этнографией Дальнего Востока. Даже Г.Ф. Миллер вынужден был отметить, что «господин Шмалев, по возвращении своём в Охоцк прислал ко мне великое множество обстоятельных и весьма важных известий, описаний и ландкарт. А брат его побуждаем был через то такую же ревностью, к оказанию разных публичке услуг»³.

В настоящее время по далеко не полным данным насчитывается более 30 работ братьев Шмалевых по вышеуказанным вопросам. Но только одна из них была опубликована⁴. Это работа о Камчатке. В ней Шмалев даёт общее географическое описание Камчатки, подробно останавливается на описании Большерецкого, Нижне-Камчатского, Верхне-Камчатского острогов и Тигильской крепости. Далее следуют размышления о скотоводстве, хлебопашестве на Камчатке, «о высиживании из

¹ ЦГАДА, портфели Миллера. 539, ч. II, д. 1, л. 1.

² Путешествие Г. Шелихова. СПб, 1812, стр. 66-67

³ ЦГАДА, портфели Миллера, 537, л. 9.

⁴ Опыт трудов Вольного Российского Собрания, 1774, ч. I. стр. 195-215.



VIII.

Краткое описаніе о Камчаткѣ, учиненное въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1773 года, Камчатскимъ Командиромъ Капитаномъ Тимоѳеемъ Шмалепымъ.

1



Камчатка раздѣляется на четыре правительства: 1. Большерѣцкой, 2. Тигильская крѣпость, 3. и 4. нижній и верхній Камчатскіе остроги. Изъ оныхъ главной Большерѣцкѣ, которой стоитъ на берегу Пенжинскаго моря, а отъ моря припцать верстѣ въ верхъ по Большой рѣкѣ, по которой и названіе имѣетъ. Во ономъ деревяннаго строенія, церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, и Камчатская Большерѣцкая Канцелярія, которая надъ упомянутыми мѣстами имѣетъ главную команду, подчинена въ Охотскаго Порта Канцеляріи. Казеннаго строенія: Канцеляріи, командирской домъ, кладовыхъ анбаровъ четыре, купеческихъ лавокъ двадцать три, обывательскихъ домовъ сорокъ одинъ. Жители живутъ во

М а

онѣхъ

сладкой здесь урожайной травы вина» и о других делах. Особенно интересно упоминание «о славной в Камчатке горелой сопке».

В данной книге нет возможности подробно остановиться на всех «примечаниях», «прибавлениях» и других сочинениях братьев Шмалевых, но хочется назвать их наиболее обширные, глубокие по содержанию и смелые по мысли работы, особенно принадлежащие Тимофею Шмалеву.

Наибольшую ценность представляет «Примечание капитанов Шмалевых о морских экспедициях разных компаний с 1744 по 1781 год». По существу это первое хронологическое описание всех купеческих походов того периода на Алеутские и Курильские острова. Но этого мало. В описании указывается, кто составлял и руководил «компанией», название судна, фамилии мореходов, сколько было пайщиков, сообщается об основных этапах плавания, его финале и достигнутых результатах. В конце описания сообщается, что всего судами с Алеутских и Курильских островов вывезено товаров на сумму 3 204 138 рублей.

Не будет преувеличением сказать, что такой обстоятельный труд, основанный на блестящем и достоверном знании фактов, на подлинных документах, рассказах непосредственных участников походов, не уступает, например, известной работе В.Н. Берха об открытии Алеутских островов¹, а во многих случаях оказывается более ценным.

Сам Т. Шмалев так рассказывает о том, как составлялась эта работа: написана она была «по случаю нами собранных из Охотской и Камчатской Большерецкой канцелярии и Нижнекамчатской приказной избы архив, потому ж и по нахождению нашему в здешних местах через двадцатидвухлетнее время, а особливо бытия нашего при немалом числе судов отправлении, и по выходе выделов. Отчасти — любопытствуя и от бывших в разные времена на тех островах, а особливо от подштюрмана Михаила Неводчикова и начального компанейщика камчатского купца Никифора Трапезникова и находящихся, по здешним местам почитаемых за лучших, — Петра Башмакова, Андреяна Толстых, Степана Глотова, квартирмистра Гаврила Пушкарева, и протчих мореходов и передовщиков, к тому ж и некоторых лучших промышленных людей, которые Американские, называемые Алеутские Ближние, Средние и Дальние острова с жительствующим на оных народом обыскать имели»².

¹ В.Н. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества, СПб, 1823.

² ЦГАДА, портфели Миллера, 539 ч. I, д. 15, л. 1-об.

Большой интерес представляет и другая работа Т.И. Шмалева, характеризующая его как замечательного географа. Приведём полностью название этой работы: «Примечание, учинённое капитаном Шмалевым, о бывших в прежнее времена, в здешних отдалённых местах сухопутных и водяной коммуникации трактов когда оные начались також и когда иным промер был то ж и место от места в каком расстоянии от части ж о строении и о народах от части и о впадающих в Пенжинское море реках и о способности во оные ко входу морских судов и где есть лиственничные леса на строение морских судов годном лесу; начиная от Охотска потом о Камчатке Гижигинской крепости о бывшем Анадырском остроге и о вновь изыскуемых водяных коммуникаций и судоходных от Якуцка к Охотску и на Колыму трактов с некоторыми примечаниями 1775-го генваря 27 дня»¹.

Этот труд — подробнейшее географическое описание края. Более того, такую работу можно назвать лоцией побережья Охотского моря и Камчатки от Охотска до Анадыря. В литературе того времени не существовало более точного и детального описания побережья. Так и остаётся неясным, почему такой важный труд, посланный Миллеру, остался неопубликованным и до сих пор пролежал незамеченным в архивах.

В «Примечаниях» Шмалева имеются такие ценные работы, как описание истории Охотского порта, его географических особенностей, описание реки Анадыря, Алеутских и Курильских островов, и многие другие.

И хотя работы Шмалевых так и не увидели света, ни один историк, географ или этнограф не может обойтись без них при изучении далёкого прошлого Дальневосточного края и истории русских географических открытий на Тихом океане в XVIII веке. Любой из этих учёных непременно обратится к «Портфелям Миллера», в которых сосредоточены все известные работы Шмалевых.

Даже беглый просмотр написанных Т.И. Шмалевым работ показывает, что автор их был образованным человеком, отличным знатоком истории географических открытий на Дальнем Востоке, энергичным деятелем, внёсшим немалый вклад в преобразование далёкой и неизведанной тогда окраины русского государства. Он заботился об исследовании и освоении этого края, о развитии здесь просвещения.

¹ ЦГАДА, портфели Миллера, 539, ч. I, д. 13.

Нельзя не отметить его гуманного чуткого отношения к населению. Вот, например, с каким восхищением описывает он Миллеру замечательный подвиг коряков, которые спасли русских от голодной смерти. «Примечания достойно, когда коряки приметили у российской команды в рыбных кормах прошлого 1776-го лета непромыслицу, то они спомоществуют добровольно дачею оленей как то на всю команду пригнали безо всякой платы до 300-т оленей да к тому жителям уступают не нанося в цене отягощения, и естлиб оные упрямяство своё употребили, то б привести могли жителей в крайнее разорение, почему они в таком деле доказывают добрую совесть и заслуживают похвалу»¹.

Т.И. Шмалев непрестанно заботился о расширении географических познаний о северо-востоке Азии, о северной части Тихого океана. В своих письмах он неоднократно говорил о скудности представлений об этих местах. В письме к Миллеру он писал, что «сожаление имею о здешних местах что оные множество окурратно по сие время неописано»² и не раз предлагал планы исследования и освоения края и тихоокеанских островов. Тимофей Иванович сообщал Миллеру: «располагаю я действительно естлиб полномочие было то б следственно построить крепость, а для построения отправить отсюда три судна и 180 человек людей исправных коими и завести российское селение на американском острове Кадыяке». Таким образом, в своих устремлениях Шмалев опередил даже Г.И. Шелихова.

Не забыл он о Курильских островах и Японии. «На 18 Курильском острове хоша сперва и на не весма выгодном месте следственно крепость и российское селение завести»³. Необходимость этого «заведения» Шмалев объяснял пятью причинами. Во-первых, крепость нужна для безопасности Камчатки; во-вторых, жители дальних Курильских островов постепенно стали бы подданными Российской империи; в-третьих, организация такой экспедиции не нанесла бы никакого ущерба Охотскому порту; в-четвёртых, «с Японией мог бы открытца через обитающих на 19 и 20 островах народах может непродолжительно торг» и, в-пятых, «положение тех островов и обитающего на оных народа более известно стало быть».

¹ Письмо к Миллеру из Гижигинской крепости от 12 февраля 1777 года. ЦГАДА, портфели Миллера, 528, ч. II, д. 9, л. 44-об.

² ЦГАДА, портфели Миллера, 528, ч. II, д. 9, л. 6.

³ Там же, л. 6-об.

Для исследования Чукотки, Америки и «далеко на север от Чукоцкого носу» Шмалев предлагал отправить из Охотского порта два судна, которые после зимовки в Петропавловской гавани могут такое поручение выполнить.

Истинным патриотизмом пронизаны заключительные слова этого замечательного письма: «Оные от меня означенные пункты естли оставить на должайшие лета то все прежние неутомимые россиян труды и открытия в затменном виде зреть должно»¹.

В другом письме к Миллеру Шмалев пишет о том, что хорошо бы в Сибирь для образования местных жителей отправлять книги «и чтоб те книги в каждом здешних отдалённых судебных местах, к знанию географии судящими прочитываемы были почаще, а и для имения обитающих народов в партикулярных руках, для продажи в хорошем французском переплёте, прислать в Иркутскую губернию сот до трёх книг; и с чего я уповаю быть к знанию географической науки великой ползе, и ест ли можно то картами и рисунками оную историю украсить»².

Шмалев регулярно получал через Миллера все издаваемые в России книжные новинки. А в цитированном выше письме он высказывает также мысли об издании для пользы народной, для населения Сибири трудов Миллера, Соймонова и его, Шмалева, отдельной книжкой. Причём он настаивает именно на однотомнике, который гораздо легче распространить в Сибири, чем многотомное издание. Он пишет: «По получении всех мною виденных записок всепокорнейше прошу собрав прежние вашим высокородием чинённые описания о делах о реке Амур происшедших, о пословице Сибирь — золотое дно (работа Ф.И. Соймонова — А.А.), и о торгах прежних и нынешних сибирских с приложением тарифа сибирского, к тому ж о заведении Анадырского острогу и о первой и второй камчатских экспедициях, не соизволено ль будет по экспедициям флота лейтенанта Синдта и капитана Креницына и Курильских островов приобщить, и, присовкупля мною описанные известия, и ещё мною готовящиеся... к просвещению и поощрению в отдалённых местах обитающего общества, напечатать одну книгу»³.

Но это предложение Шмалева так же, как и многие другие, осталось без ответа.

¹ ЦГАДА, портфели Миллера, 528, ч. II, д. 9, л. 7.

² Там же, 539, ч. I, д. 1-а, л. 26. Письмо Шмалева к Миллеру от 5 октября 1775 года.

³ О.М. Медушевская. Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке (50 - начало 80-х годов XVIII века), канд. диссертация, М., 1952, стр. 27.

Мы говорили выше, что в то время в Охотске были очень частые наводнения то от разлива рек, то от сильных штормов. Проявляя заботу о населении, Тимофей и Василий вместе с мореходом М.В. Неводчиковым разработали проект переноса порта на устье реки Ульи. Василий Шмалев даже разведаль новый тракт от Ульи до Якутска, а Тимофей Иванович составил подробное «Примечание», в котором сообщалось очень много интересных фактов об истории Охотска, о бывших там наводнениях за прошедшее со времени основания острога время и других событиях. Называлась эта работа так: «Примечание, учинённое капитаном Тимофеем Шмалевым к неспособному впредь бытию Охотского порта на нынестоящем месте и что оное следственно снять на другое как то братом моим капитаном же Василием Шмалевым прожектированное при устье реки Ульи по речке Недмалу или около оных где заспособно происходили в разныя времена случаи. Учинено в Охотске 1775 года августа 28 дня»¹.

Но этот проект не получил поддержки правительства и остался только на бумаге.

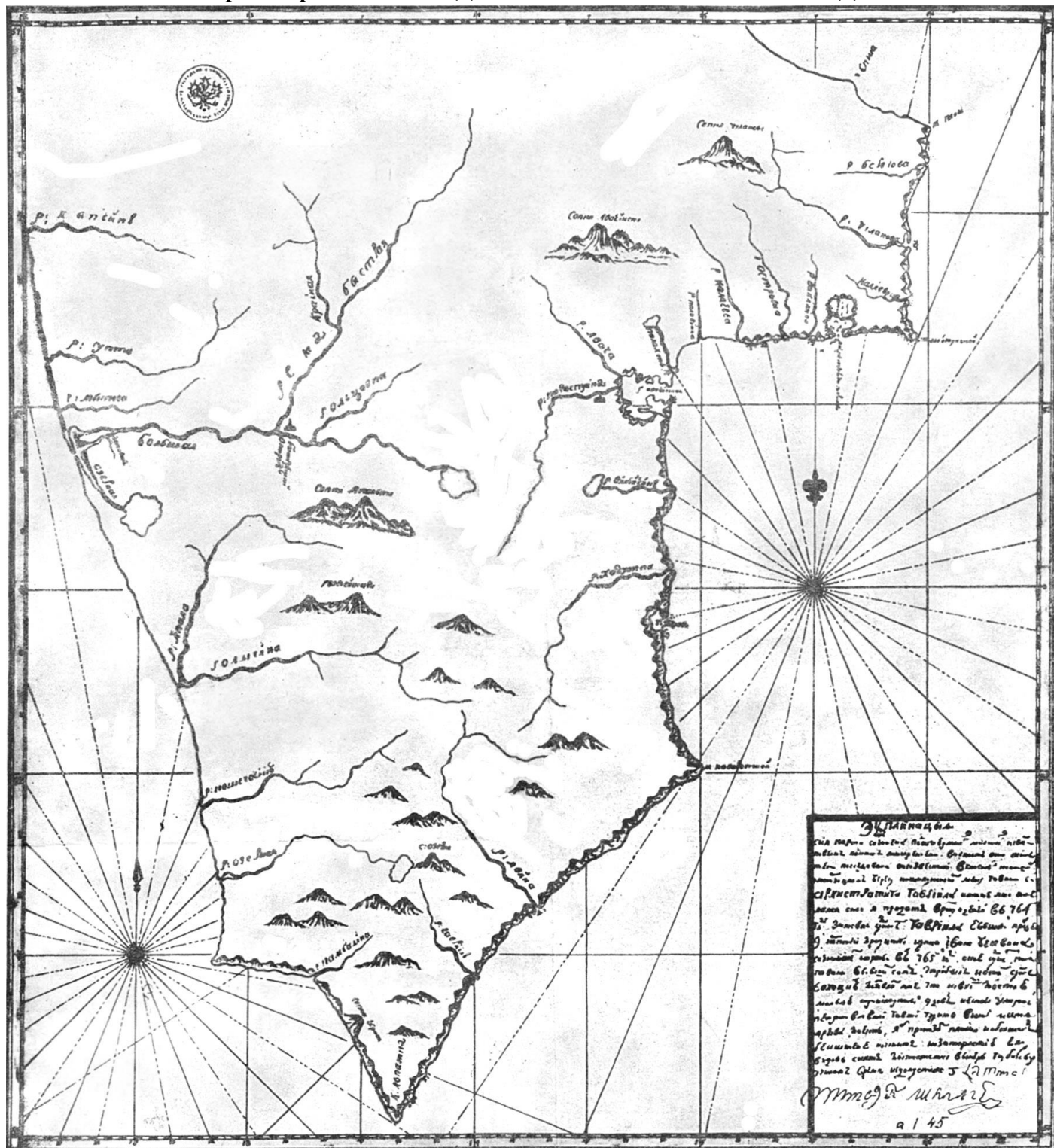
Летом 1776 года братья Шмалевы снова расстались. Тимофей Иванович был назначен комендантом Гижигинской крепости, а Василий Иванович вскоре отправился на Камчатку в распоряжение М.К. Бема.

В Гижигинской крепости Т.И. Шмалев провёл безвыездно четыре года. Эта крепость в то время была одним из главных населённых пунктов на Охотском побережье. Строилась она в 1751-1752 годах на месте бывшей Таватумской крепости. За дату её основания обычно принято считать донесение казачьего сержанта Авраама Игнатьева в Охотскую канцелярию, помеченное 14 апреля 1752 года.

Посёлок располагался на правом берегу реки того же названия. Ширина реки в этом месте достигала 50-60 сажен. Правый, подмываемый берег реки был укреплен сваями, переплетёнными тальником, так что получалась довольно хорошая набережная, к которой могли подходить небольшие суда. Сама крепость была огорожена палисадом с тремя воротами. Внутри находились церковь, канцелярия, казённые магазины и городовая башня, дом командира, офицерский дом, казармы для солдат и, наконец, около ста обывательских домиков с усадьбами. За пределами крепости расположились кузница, баня, лабазы для рыбы, кладбище и несколько домов обывателей.

¹ ЦГАДА, портфели Миллера, 539, ч.1, д.9.

Немало долгих зимних вечеров проводит Тимофей Шмалев в этой крепости, занимаясь, кроме служебных обязанностей, своими записями, примечаниями, архивами. Здесь начинает он вести специальный журнал событий в Гижигинской крепости, не пропуская ни одного интересного случая из окружающей жизни. По этому журналу и сейчас со всеми подробностями можно восстановить картину повседневной жизни крепости. Вот, например, запись, сделанная 18 июля 1777 года:



Карта южной части Камчатки, составленная М.В. Неводчиковым по указанию Т.И. Шмалева.

«С утра туман небо облачно и бус нарочитой, ветер с моря тихий, рыбы несколько поболее стало попадать, к вечеру зделалось солнечное сияние, а ввечеру в западной стороне слышан был раз до пяти гром нарочитой и было блистание молнии. К тому же шёл небольшой дож, ввечеру ж получен репорт с отправляемого отсюда в Охоцку судна брегантины Св. Наталии от подштурмана Василия Сожина, что де по выходе их из Гижигинской губы носило во лдах немалое время коих и до сего числа великое множество, так что никаким образом к Охоцкому прости-ратца неможно»¹.

В другом месте, говоря о дующих в этих местах ветрах, Т.И. Шмалев выводит интересную закономерность «что в здешнем и по климату почитать должно посадные (то есть пассатные — А.А.) два ветра первый от S (юга — А.А.) другой от N (севера — А.А.), но они дуют не попеременно равномерностию»².

Шмалев не просто записывал события и факты, но старался всегда найти им объяснение. В этом отношении интересна следующая запись:

«1777 года на 23-е число ноября в ночи здесь, в Ыжигинской крепости живущим нам видимо было на небе сияние, которое началось как вечерней зоре время пришло под горизонт скрытца; оно оказалось сперва с NW (северо-запада — А.А.) потом стало умножатца сыспотиха и к полуночи распространилось к O (востоку — А.А.) показывало небо кровавое, потом весьма стало тучами багрово красными, так что снег от того сияния окрашивал. Кончилось оно перед самой утренней зорей.

Я спрашивал обитающих здесь коряк, что они о том сиянии рассуждают. Они объявили: родственники де их, прежде умершие, на небе с чукчами же умершими имеют войну и сходятца на копьях и друг друга побивают, от чего по небу кровь тех убитых разливаетца.

О такой басни сколько я мог из учёных описаний о северном сиянии толковал, но на их языке всего истолковать неможно»³.

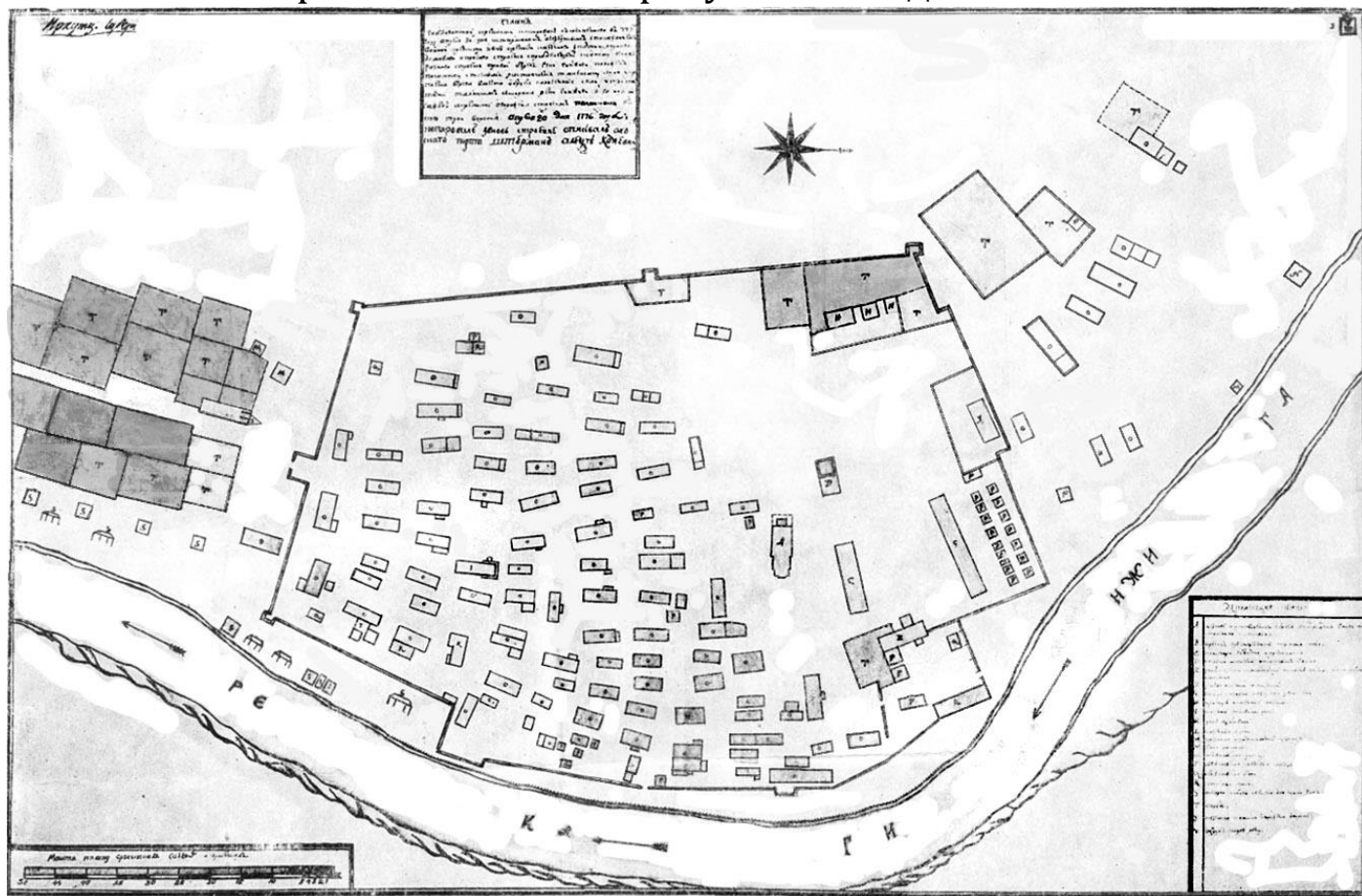
Тимофей Шмалев систематически переписывался с братом Василием, служившим на Камчатке. Эта переписка была особенно важна, так как Тимофей Иванович составлял в это время вторую часть описания русских торговых и промысловых экспедиций на Алеутские и Куриль-

¹ ЦГАДА, портфели Миллера, 539, ч. II, д. 1, л. 6-об.

² Там же, л. 17-об.

³ Там же, лл. 58-58-об.

ские острова начиная с 1775 года и письма брата были для него необходимы. Это видно из сообщения, которое он послал Миллеру уже из Охотска 25 сентября 1780 года, где говорил: «Описание с 1775 году о купецких судах ещё не окончено, а по отправлении сего письма буду старание прилагать и как я писал в Камчатку к брату моему, чтоб он доставил ко мне о тамошних судах сведения то он на то отвечал, что по множеству в Камчатке, а особо английских бывших там кораблей, дел время ему сочинить описание не допустило, а впредь скоро обнадёжил меня удовольствовать присылкою мною требуемого сведения»¹.



План Гижигинской крепости.

Из этого письма видно также, что у Василия Шмалева в то время не было условий для работы по «сочинению описаний». И действительно, иностранные державы в эти годы начали проявлять всё возрастающий интерес к русским дальневосточным окраинам, а замечательные открытия русских в северной части Тихого океана и исследования в Северной Америке, слухи о несметных богатствах этих земель заставили за-

¹ ЦГАДА, портфели Миллера, 539, ч. II, д. 1, л. 3.

беспокоиться англичан, французов, испанцев. Их корабли один за другим появлялись в наших водах, промышляли здесь и вывозили огромную добычу.

К этому времени относится третья (1776-1779) экспедиция известного английского мореплавателя Джемса Кука¹. В 1779 году, после того как Кук 14 февраля 1779 года был убит в стычке с местными жителями на острове Овги, его корабли прибыли в Петропавловскую гавань для ремонта и пополнения запасов продовольствия. Кораблями командовал капитан Кларк.

Прибытие англичан в Петропавловск вызвало немалый переполох среди местных властей. Командир Камчатки М.К. Бем находился в то время в Большерецке, и иностранных гостей встречал капитан Василий Шмалев. Не зная истинных намерений мореплавателей, он держал себя с ними сначала весьма осторожно и выжидательно. К Бему, а затем в Петербург немедленно был отправлен нарочный.

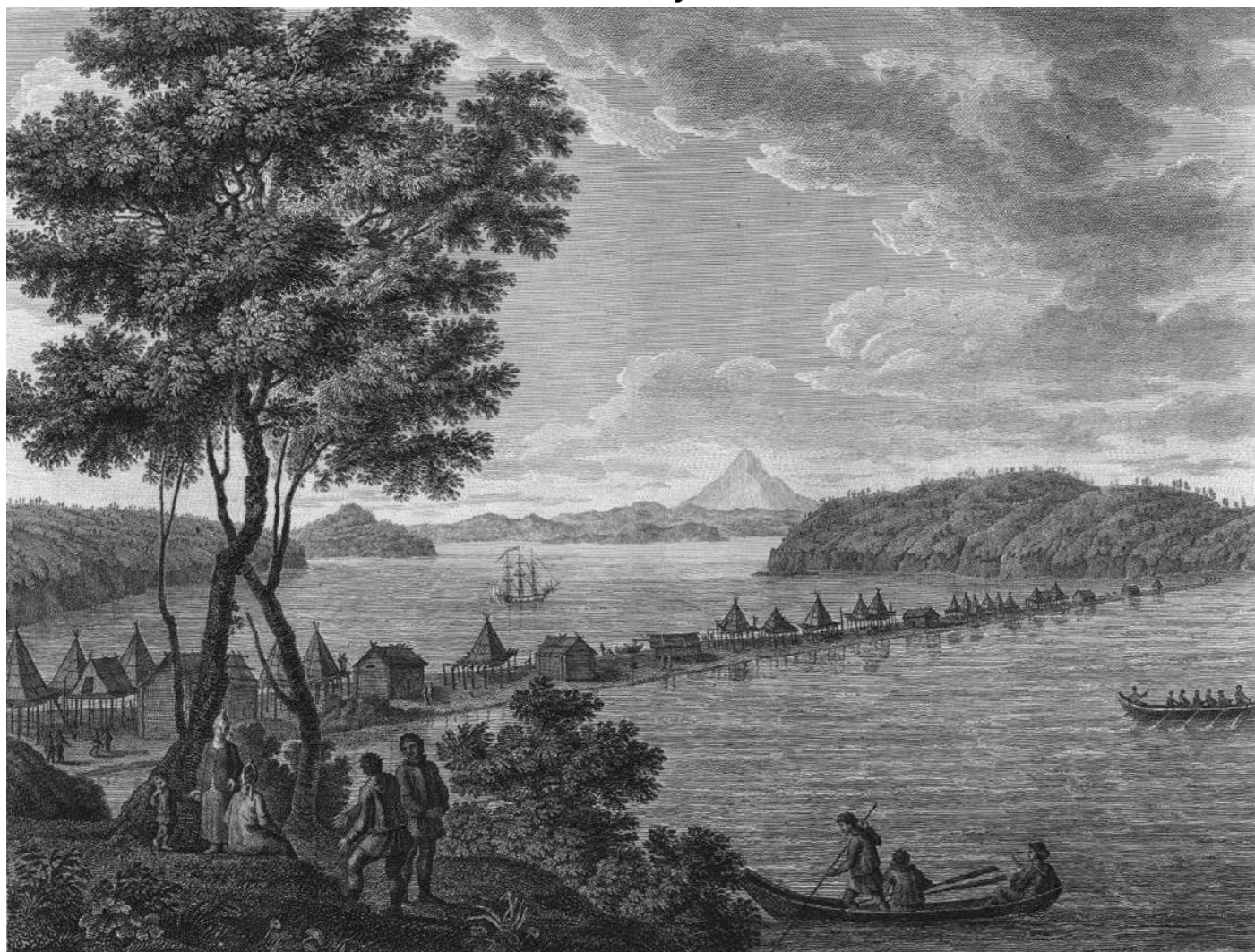
Но после того как прибыл Бем и выяснились цели англичан, отношения с ними сложились самые дружественные. Им дали всё, что могли: продукты, строевой лес, смолу, пеньку, парусину. Солдаты Петропавловской гавани подарили матросам Кука 400 фунтов табаку.

Английские офицеры и матросы остались довольны русским гостеприимством. Сохранились письма капитанов Кларка и Кинга, адресованные Бему от 6 и 10 июня 1779 года, в которых они благодарят капитана В.И. Шмалева². А в 1781 году от британского адмиралтейства Бему была преподнесена великолепная серебряная ваза с серебряным подносом и чашею с дарственной надписью: «Знаменитому мужу Мунгусу фон Бему, который в благополучное царствование Августейшей Императрицы Екатерины II, по высокой Её милости на суровых берегах вверенной управлению его Камчатки, оказал гостеприимство Британским кораблям и мореплавателям, и потом, когда они тщетно покушались обрести неизвестные пределы Российской Империи, по претерпении многих бедствии, во второй раз их принял, угостил, успокоил и снабдив жизненными всякими припасами отпустил в путь. Британское адмиралтейство

¹ Джемс Кук (1728-1779) — известный английский мореплаватель; совершил 3 кругосветных плавания. Третья экспедиция Кука была снаряжена для поисков северо-западного прохода и для захвата земель в северной части Тихого океана, не открытых другими державами. Эти «неоткрытые» земли Кук усилненно искал в водах, омывающих западные берега Канады, а также Аляски и Камчатки.

² ЦГАДА. портфели Миллера, 528. ч.II. л.5.

в память столь отличных подвигов благосклонности, с живейшим чувством дружелюбия и признательности от своего лица и от имени Отечества своего принесло в дар, в лето от Р.Х. 1781». Эта благодарность в равной мере относилась ко всем офицерам, солдатам Камчатского гарнизона, в том числе и к Василию Шмалеву.



Вид Авачинской губы.

Следует отметить, с какими трудностями была связана исследовательская деятельность братьев Шмалевых. Очень много времени у них отнимали многочисленные служебные обязанности. Кроме того, начальство вообще очень косо смотрело на «сочинительство» Шмалевых и на переписку их с Петербургом. Некоторым казалось, что братья систематически сообщают в столицу неприглядные факты из их деятельности. Поэтому многие начальники относились к Шмалевым с подозрением, но открыто мешать им побаивались: мало ли что могли написать они академику и тайному советнику Миллеру, который пользуется таким почётом при дворе? Поэтому в одном из писем к Миллеру Т.И. Шмалев с горечью пишет, что местные начальники мало заботятся

об исследованиях, открытиях и освоении новых земель. «У нас жизнь такая, — сообщает он, — по пословице кто может да не хочет, а кто хочет да не может, в пример представляю чинённые мною к вашему высоко-родию отправляемые сведения наводили от начальника мне ненависть, почему принуждён я надобные доставить либо с великою уклонностию либо за капитал тайно, что причинило немало труда и продолжения»¹.

В таких условиях, окружённые непониманием и равнодушием, работали для науки братья Тимофей и Василий Шмалевы. Тем не менее оба они, и особенно Тимофей Шмалев, явились первыми историками русских географических открытий на Крайнем Северо-Востоке. Благодаря им сохранились многочисленные и редчайшие сведения по истории Камчатки, Чукотки, Охотского побережья и Алеутских островов. Ценность этих сведений возрастает ещё и потому, что подлинные документы большей частью погибли и сохранились лишь те, которые были в «Портфелях Миллера», состоящих в основном из бумаг, писем и «Примечаний» братьев Шмалевых.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Осенью 1780 года Тимофей Шмалев снова оказался в Охотском порту. Он опять принял здесь командование регулярной и нерегулярной командами. Начальником Охотского порта в это время был некто Бензинг, фигура примечательная, пожалуй, только тем, что при нём заметно увеличились поборы и казнокрадство. Кроме того, этот Бензинг не выносил всё русское и нисколько не заботился о вверенных ему делах. Тимофею Шмалеву такая атмосфера пришлась не по душе, и он попросился обратно в Гижигинскую крепость. Вернувшись, он продолжил здесь свою научно-исследовательскую работу. Тимофей Иванович регулярно отправляет Миллеру что-либо новое, найденное в архивах, услышанное и записанное от очевидцев или им самим сочинённое. Но вот в 1883 году в Гижигинск пришла весть из далёкой Москвы о смерти Г.Ф. Миллера. После кончины этого большого учёного проследить дальнейшую научно-исследовательскую работу братьев Шмалевых оказалось делом довольно трудным. Но сейчас уже имеются документы, говорящие, что эта работа не прекратилась. Однако больше известна дальнейшая практическая деятельность братьев Шмалевых.

¹ ЦГАДА, портфели Миллера. 528. ч.II, д.9, л.6-об.

В 1785 году по указу Екатерины II была организована экспедиция, во главе которой стоял офицер русского флота Иосиф Биллингс, выходец из Англии, участник третьего плавания Д. Кука. Действия экспедиции были засекречены. Задачей являлось исследование и описание Чукотского берега от Колымы до Берингова пролива, а также островов и морей северной части Тихого океана или, как говорилось в указе, «совершенное познание морей между матёрою землёю Иркутской губернии и противоположными берегами Америки»¹.

По первоначальному плану экспедиции предполагалось построить на реке Колыме суда, спуститься на них до моря и по нему пройти до Чукотского носа. В следующую навигацию надлежало продолжить исследования в северной части Тихого океана.

Эта экспедиция продолжалась семь лет (1785-1792). Вторую её часть выполнить по задуманному плану не удалось, так как тяжёлые льды не дали возможности пройти вокруг Чукотского полуострова на кораблях. Пришлось вновь строить в Охотске судно «Слава России» и уже оттуда совершить плавание к северо-западным берегам Америки.

В целом экспедиция была успешной и явилась новым важным этапом в истории географических открытий того времени. Биллингсом были исследованы острова Берингова моря и северной части Тихого океана, часть Алеутских островов. Пройдя сухопутным путём от Берингова пролива до Чаунской губы, экспедиция завершила описание всего северного побережья России.

Большая роль в этой экспедиции принадлежала Г.А. Сарычеву (1763-1831), русскому гидрографу, впоследствии почётному члену Петербургской академии наук, автору большого научного труда «Путешествия по Северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану» (1802).

14 октября 1786 года экспедиция Биллингса прибыла в Верхне-Колымский острог. Здесь в ноябре было заложено на берегу реки Ясашной судно длиной в 45 футов, а в апреле 1787 года — другое длиной в 28 футов. Оба судна вскоре были спущены на воду и названы «Паллас» и «Ясашна». Первым командовал Биллингс, вторым — Г.А. Сарычев. 25 мая 1787 года суда снялись с якоря и после некоторого кратковременного плавания по реке Ясашной пришли в Средне-Колымск. Здесь про-

¹ В.Ю. Визе. Моря советской Арктики, М,-Л.. 1948. стр.249.

стояли до 11 июня и, продолжая плавание, 17 июня встали у левого берега Колымы против устья реки Омолона, недалеко от летовья омолонских жителей, которые ловили здесь рыбу, а зимой возвращались в свои селения в верховьях Омолона. В этом летовье к экспедиции присоединилась группа офицеров и казаков. В ней был Тимофей Шмалев, сотники Иван Кобелев и Федор Лобашков, а также известный нам чукча Дауркин и ещё пять казаков. Дело в том, что Биллингс, ещё будучи в Якутске, попросил дать ему несколько человек, хорошо знавших язык и обычаи коренного населения. Выбор, естественно, пал на Тимофея Шмалева. В задачу его группы входило отправиться заранее, до выхода судов Биллингса, к северному побережью Чукотки и там в местных селениях подготовить всё необходимое к приходу экспедиции и, главное, дружелюбно расположить к себе коренное население. В зиму 1786-1787 годов Тимофей Шмалев с казаками отправился из Гижигинской крепости в далёкий путь на северное побережье Чукотки.

Который раз в жизни приходилось Шмалеву идти этим трудным тысячевёрстным путём, на Анадырский острог и дальше к побережью Северного Ледовитого океана! Снова взбирались на кручи снеговых сопков, спускались в речные долины, шли навстречу свирепым буранам, терпели жестокие морозы и преодолевали множество трудностей, которые под силу только людям большой воли, мужественным и выносливым, преданным своему делу, своей Родине. Жители чукотских селений, хорошо знавшие Шмалева, Кобелева, Дауркина, встречали прибывших радушно, охотно соглашались помогать всем, чем смогут, прибывающим русским судам. Этот поход Шмалева и его товарищей впоследствии во многом помог такому же пешему походу Биллингса по Чукотскому краю.

Успешно выполнив задание, Т.И. Шмалев и его спутники прибыли на реку Омолон, где они должны были ожидать Биллингса. Здесь они встретились. Биллингс определил Кобелева и Дауркина к себе на «Паллас», а Шмалев должен был сопровождать Сарычева на «Ясашной». Тимофей Иванович всеми силами помогал молодому Сарычеву, у которого на «Ясашной». кроме боцманмата, не было ни одного человека, знакомого с кораблём и плававшего по морю. Впоследствии Г.А. Сарычев в своей книге так писал о Т. Шмалеве: «Приехали они из Гижиги по требованию г. Биллингса, чтобы во время плавания по Ледовитому морю в случае встречи с чукчами можно было лучше приласкать сих диких людей. Шмалев несколько лет был начальником в Гижиге, куда ежегодно

приходят для торгу чукчи. Ласковостию и подарками приобрёл он от многих из них доверенность и любовь»¹.

Во время плавания Г.А. Сарычев жадно расспрашивал Шмалева о крае, где ему предстояло провести несколько лет. В этих разговорах, как упоминает Сарычев в своей книге «капитан Шмалев сказывал мне, что он слышал от чукоч о матёрой земле, лежащей к северу, не в дальнем расстоянии от Шелагского носа, что она обитаема и что шелагские чукчи зимнею порою в одни сутки переезжают туда по льду на оленях»².

Приняв Шмалева и его товарищей, суда в тот же день отправились дальше и вскоре пришли в Нижне-Колымск, где запаслись сушёным и солёным оленьим мясом и особенно тщательно произвели осмотр судов: ведь экспедиция должна была повторить исторический поход Дежнева!

19 июня «Паллас», а 21-го «Ясашна» снялись с якоря и направились к океану. В устье реки Колымы у маяка, поставленного ещё Дмитрием Лаптевым³, «Ясашна» догнала «Паллас», и они вместе двинулись дальше. В Ледовитом океане на пути сразу же стали попадаться огромные тяжёлые льдины. Суда, лавируя между ними, продвигались на восток очень медленно и, наконец, вынуждены были остановиться. Путь преградили непроходимые ледяные поля.

Тогда Биллингс решил обойти ледяное поле с севера, предполагая найти там полосу чистой воды. Но эта попытка не имела успеха. Попробовали пробраться снова на восток — напрасно. Удалось добраться только до мыса, называемого Барановым камнем. Тяжёлые ледовые условия, сложившиеся в этот год, штормовая погода, частые и густые туманы преградили дальнейший путь экспедиции. Целый месяц продолжалась борьба со льдом. Суда пытались использовать малейшую возможность и пробиться сквозь стену льда, но всё было безуспешно. Попытка обойти Шелагский мыс окончилась неудачей. 26 июля повернули к устью Колымы и 31 июля пришли в Нижне-Колымск. Здесь Т. Шмалев и его товарищи сошли с судов, распрощались с участниками экспедиции и отправились в Гижигинск.

¹ Г.А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, М., 1952, стр.74.

² Там же, стр.84.

³ Д.Я. Лаптев (1701-1771) — русский исследователь Арктики. Участник Великой Северной экспедиции. В 1736-1742 гг. обследовал сев. побережье Азии между Леной и мысом Большим Барановым, а также р. Анадырь.

Оценив по заслугам участие Т. Шмалева в плавании на «Ясашной», И. Биллингс ходатайствовал перед губернатором Сибири о назначении Тимофея Ивановича командиром в Охотск. Ходатайство было поддержано, и 18 августа 1788 года Адмиралтейств-Коллегия утвердила назначение Т.И. Шмалева командиром Охотского порта. Одновременно ему был присвоен чин секунд-майора.

В это время в Охотске начальствовал полковник Г.А. Козлов-Угренин. Думая больше всего о своих личных интересах, он мало заботился о нуждах вверенного ему края. Его особой доверенностью пользовался советный судья И. Кох, который часто его замещал и фактически управлял портом. Нечестный, морально нечистоплотный, пройдоха и карьерист, И. Кох был тем не менее хитрым и расчётливым человеком. Он хорошо понимал, что умный, честный и образованный Тимофей Шмалев сумеет разоблачить его подлинное лицо и будет стремиться пресечь все творившиеся в то время в крае злоупотребления. Он и Козлов-Угренин были крайне недовольны назначением Т.И. Шмалева.

В то же время служилые люди и жители Охотска, хорошо знавшие Тимофея Ивановича как честного и справедливого человека, встретили его назначение командиром Охотска с нескрываемой радостью.

Но когда Т.И. Шмалев прибыл в Охотск, Козлов-Угренин под влиянием Коха около года тянул волокиту и не сдавал ему свои дела. Тимофей Иванович Шмалев так и не приступил к своим новым обязанностям и 7 июля 1789 года неожиданно скончался¹.

Когда до иркутского губернатора дошли слухи о скоропостижной смерти Тимофея Шмалева, то губернатор не нашёл ничего лучшего как поручить расследование обстоятельств смерти Шмалева совестному судье И. Коху. Надо ли говорить о том, что могло дать такое расследование?

Так преждевременно, в расцвете сил закончилась жизнь одного из замечательных людей России, посвятившего себя делу развития Охотско-Камчатского края и Чукотки.

* * *

Василий Шмалев на десять лет пережил своего брата. В марте 1779 года он временно принял дела Главного командира Камчатки от пре-

¹ А.С. Сгибнев. Охотский порт. Морской сборник, 1869, № 11, часть неоф., стр. 63.

мьер-майора Бема. Последние годы его жизни представляют мало интереса для науки. Василий Шмалев в этой области всегда был менее активным, чем старший брат. Со смертью же его Василий Шмалев целиком посвятил себя службе.

Важнейшими событиями того времени, связанными с именем В. Шмалева, являются посещения Камчатки экспедициями Д. Кука и Ж.-Ф. Лаперуза¹. О первой из них было рассказано выше. Здесь можно лишь добавить что после того как Бем в июне 1779 года уехал с Камчатки, В. Шмалеву пришлось в августе этого же года вторично принимать и активно содействовать успешному завершению экспедиции Д. Кука. Корабли этой экспедиции прибыли в Петропавловскую гавань под командованием капитанов Кинга и Гора, так как капитан Кларк, возглавивший экспедицию после смерти Кука, перед самым приходом в Петропавловскую гавань умер.

Когда В. Шмалев поднялся на один из кораблей, он был встречен пальбой из всех орудий. Он принял участие в погребении Кларка. По этому случаю он сообщал: «На северной стороне гавани англичане устроили ему могилу, у берёзового дерева; обложили её дёрном и обнесли частоколом. Самое погребение производилось при пушечной пальбе, по своему закону»².

И на этот раз, следуя традиционному русскому гостеприимству, В.И. Шмалев радушно приветствовал английских мореплавателей. Для них было сделано все, что было возможно в условиях Камчатки, и в отношении ремонта, и в отношении снаряжения. Благодарные путешественники в знак признательности за такое гостеприимство оставили Василию Шмалеву на память настольные часы, которые стояли в каюте Джемса Кука³.

Долго начальствовать В.И. Шмалеву на Камчатке не пришлось. В сентябре 1780 года сюда прибыл Главным командиром Франц Рейнеке, и Василий Шмалев вернулся к своей прежней должности — командира Тигильской крепости.

¹ Ж.-Ф. Лаперуз (1741-1788), французский мореплаватель. В 1785-1788 годах совершил кругосветное плавание, исследовал острова Тихого океана, берега сев.-зап. части Америки и сев.-восточ. части Азии, открыл пролив, названный впоследствии его именем. Погиб во время кораблекрушения.

² А.С. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. Морской сборник, 1869, № 7, часть неоф., стр.23.

³ Об этом факте сообщалось в газете «Северная пчела», 1853, № 60 от 17 марта.

В 1783 году по административной реформе в Сибири была учреждена независимая от Якутской Охотская область, в состав которой вошла и Камчатка. Таким образом, охотский комендант распоряжался теперь всеми делами Камчатки. В связи с этим и управление Камчаткой было перенесено из Большерецка в Нижне-Камчатск. Городничим сюда был назначен коллежский асессор Орленков. Кроме него, на Камчатку был послан исправником барон Штенгель. Но между Орленковым и Штенгелем сразу же начались ссоры. Тогда Рейнеке вместо Штенгеля назначил в Нижне-Камчатск В.И. Шмалева.

К этому периоду относятся следующие события. В августе 1787 года в Петропавловскую гавань прибыли два судна французской экспедиции, возглавляемой Ж.-Ф. Лаперузом.

Одновременно по Камчатке совершал путешествие охотский комендант Козлов-Угренин, решивший лично осмотреть свои, ставшие столь обширными, владения. Это путешествие было чрезвычайно обременительным для местных жителей. Для конвоя Козлов-Угренин взял с собой «50 казаков, кроме 10 человек прислуги и инородцев, сопровождавших его. Городничий и исправник (то есть В.И. Шмалев — А.А.) ехали впереди и выгоняли инородцев на дорогу, для вырубки кустарника и леса, мешавших проезду большого возка Угренина, в котором была устроена железная печь. В этот возок впрягалось до 60 собак, да под конвой и прислугу до 250 собак, согнанных на дорогу со всего полуострова. Прогонов Угренин вовсе не платил, а напротив того, в каждом селении брал ещё с души по лисице или соболу в чащину. Независимо от того дворня Угренина вела везде меновую торговлю с туземцами которые, боясь гнева Угренина, отдавали свои меха за разные безделки, нарочно для того привезённые прислугою его из Охотска»¹.

Весть о прибытии судов Лаперуза застала Угренина в Верхне-Камчатском остроге, куда он прибыл на специально сделанных плотках, которые камчадалы тащили бечевой вдоль берега.

Козлов-Угренин со Шмалевым и частью своей свиты отправились в Петропавловскую гавань приветствовать Лаперуза. К французским мореплавателям так же, как и к экспедиции Кука, русские власти отнеслись с радушием и гостеприимством.

¹ А.С. Сгибнев. Исторический очерк главнейших события в Камчатке. Морской сборник, 1869, № 7. часть неоф. стр.30.

Суда экспедиции Лаперуза пробыли на Камчатке до 19 сентября 1787 года. Перед своим уходом Лаперуз отправил к французскому посланнику в Петербурге вице-консула Лессепса с отчётом о путешествии. Часть пути по Камчатке Лессепс совершал вместе с Козловым-Угрениным, который возвращался в Охотск.

Это путешествие из Охотска и обратно прославило Угренина как самодура, жестоко относившегося к местному населению. Долг службы заставлял Василия Шмалева двигаться вместе с этим начальником. Но он дошёл только до Большерецка, а оттуда отправился по западному берегу Камчатки, чтобы заготовить по пути следования продукты и транспорт.

Лессепс так объясняет причины, по которым В. Шмалев не мог двигаться дальше совместно с ними: «По прибытии нашем г. Шмалев наперёд узнал, что ему трудно было выехать со мною из деревни, поелику солдаты одного деташамента, который приходили объяснять ему крайняя свои нужды, беспрестанно к нему приставали, то он почёл за нужное их не оставить и употребить все средства, какия только его достоинство и совершенное знание сей стороны подавали ему к их воспомоществованию. Хотя он нетерпеливо желал, так как и я ехать в Инжигу, где брат его давно ожидал, однако он решился отпустить меня одного»¹.

Отсюда ясно также, что В.И. Шмалев в это время ещё ничего не знал о назначении своего брата в Охотск. Видимо, встретиться им больше не пришлось.

Вернувшись из этого далеко не почётного путешествия в Нижне-Камчатский острог, Василий Иванович в 1790 году был назначен городничим, то есть фактическим командиром Камчатки. Он был произведён в секунд-майоры.

На Камчатке Василия Ивановича ждали новые большие дела. Здесь находилась экспедиция Биллингса. Специальным постановлением Шмалев был назначен командиром Петропавловской гавани. Ему предписывалось прежде всего оказывать всемерную помощь в снаряжении и отправке экспедиции. На него также возлагались обязанности по укреплению обороны Петропавловской гавани, которая приобретала всё большее и большее значение как форпост России на Дальнем Востоке.

¹ Ж.-Б. Лессепс. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири, ч.II, стр.89.

В зиму 1790-1791 годов в Петропавловской гавани стояло судно «Слава России», а на верфях строилось другое — «Чёрный Орёл», которое было спущено на воду 31 мая 1791 года. На этих судах экспедиция Биллингса в течение 1791-1792 годов совершила свои замечательные открытия, о которых говорилось выше.

Роль В.И. Шмалева в подготовке этой экспедиции не выходила за пределы его служебных обязанностей, но именно ему приходилось решать тысячи мелких, но важных дел, заботиться о заготовке леса, о продовольствии, о рабочей силе и о многом другом. Биллингс приказывал, а Шмалев любыми средствами выполнял все его приказания.

Немало сделал В.И. Шмалев и по укреплению Петропавловской гавани. К 1796 году в ней было шесть батарей: «...1) на левой стороне при входе с моря, противу камней Трёх Братьев, на которой не было пушек по недоставлению их из Охотска; 2) на правой стороне, на Угловом мысу, с одной 3 фунтовой пушкой; 3) на правой стороне выше жилья с входу в гавань, судам противная, о 6 пушках 3½ фунтовых и 2 фалконетах; 4) на левой руке, сигнальная, о 2 пушках и 1 фалконете; 5) на кошке, на левой стороне, о 7 пушках также 3 фунтовых; 6) в гавани о шести медных пушках»¹.

С таким вооружением вполне можно было организовать оборону Петропавловской гавани. До Василия Шмалева ничего этого не было. Многочисленная его переписка с иркутским губернатором свидетельствует, что обороне Камчатки В. Шмалев всегда уделял большое внимание.

Из отношений В. Шмалева к местному населению интересно здесь отметить его мнение о священнослужителях. По тому времени оно могло считаться едва ли не кощунством. Так, например, когда в 1791 году в Петропавловскую гавань прибыл священник Верещагин для того, чтобы отправиться на Курильские острова «для проповеди слова Божия», то Шмалев его туда не пустил, а охотскому коменданту написал: «Это большое отягощение камчадалам, а потому самому Богу, яко милосердному человеколюбцу, приятно быть не может, таким образом доставление слова Божьего. Все духовные лица отправляются на острова только для своих выгод»².

¹ Морской сборник, 1869, № 7, часть неоф., стр.35.

² Морской сборник, 1869, № 7, часть неоф., стр.37.



Петропавловск-Камчатский

При В. Шмалеве широко разросся посёлок, в котором было теперь уже несколько десятков добротных деревянных домов.

Находясь в должности командира Петропавловской гавани, Василий Иванович Шмалев скончался здесь 18 декабря 1799 года.

Братья Шмалевы отдали всю свою жизнь исследованию и развитию Охотско-Камчатского края.

Их имена не должны быть забыты русской наукой.

—————

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ БРАТЬЕВ ШМАЛЕВЫХ¹

1. 29 писем Шмалевых к Миллеру на русском языке с приложением рапортов и копий с описанием трёх трактов, карты Восточной Сибири и плана Тигильской крепости (портф. 539, I, д.1-а).
2. Письма Шмалевых к Миллеру и к другим лицам (портф. 528, II, д.9.)
3. Два письма Т. Шмалева с приложением плана залива 16 Курильского острова (портф. 539, I, д.18).
4. Статистические и географические замечания об отдалённых местах в Сибири (портф. 528, I, д.19).
5. Примечания о морских путешествиях по Ледовитому и Охотскому морям (портф. 528, I, д.20).
6. Краткое о Камчатке объяснение (портф. 539, I, д.8).
7. Исторические сведения о сухопутных и водяных сообщениях Сибири (портф. 539, I, д.13).
8. Исторические сведения об Охотском порте (портф. 539, I, д.12).
9. Примечания на «Историю» Крашенинникова (портф. 539, I, д.11).
10. Примечания на рапорт Синдта (портф. 539, I, д.14).
11. Примечания о морских путешествиях с 1744 по 1775 год (портф. 539, I, д.15).
12. Предложения о нужных распоряжениях и частных выгодах касательно приезжающих для морского промысла судов (портф. 539, I, д.16).
13. Расписание трактов на Камчатке (портф. 539, I, д.17).
14. Примечание о И.С. Шмалеве (портф. 528, I, д.16).
15. Возражение на представление Плениснера (портф. 528, I, д.16).
16. Примечание об уничтоженном Анадырском остроге и о других близ лежащих местах (портф. 528, I, д.22).
17. Пункты о истории уничтоженного Анадырского острога (портф. 528, I, д.3).
18. Примечание на рапорт поручика Андреева (портф. 528, II, д.5).
19. Краткое примечание на ответы капитана Пересыпкина (портф. 528, II, д.7).
20. Журнал, ведённый в Гижигинской крепости (портф. 539, I, д.1).
21. Известия о присоединении чукотского народа (портф. 539, I, д.6).
22. Примечание об истории чукотского народа (портф. 528, I, д.17).

¹ Список составлен на основании сведений, помещённых в трудах А.И. Андреева и Н.А. Баклановой, Р.В. Макаровой, О.М. Медушевской, и архивных данных, обнаруженных автором.

23. Примечание об алеуте Осипе Кузнецове (портф. 528, I, д.15).
24. Краткое прибавление о происшествиях в Охотском порту (портф. 528, I, д.12).
25. Ведомость о провианте в Охотском порту в 1774-1775 годах (портф. 528, I, д.13).
26. Копии указов и рапортов по истории Охотского порта (портф. 528, I, д. 11).
27. Примечание о причине происходившей между чукчами и коряками «древней злобе» (портф. 528, II, д.9).
28. Список промышленников и их путешествий из Камчатки в Охотска к Алеутским островам (портф. 534, IV, д.18)¹.
29. Продолжение описаний купеческих походов с 1775 по 1781 год (портф. 150, II, V, д.21).
30. Замечания о необходимости перенесения порта из Охотска на реку Улью (портф. 539, I, д.9).
31. Описание Алеутских и Курильских островов (портф. 528, II, д.10).
32. Примечания к статьям Миллера и Штелина (портф. 528, II, д.20)².
33. Ведомость об отпущенных в море судах с 1745 по 1760 год (портф. 534, IV, II, д.3).
34. Географическое описание Охотского порта (портф. 539, II, д.13).
35. Примечание к журналу Соймонова (портф. 528, II, д.10).
36. О пребывании в Петропавловской гавани двух судов экспедиции Кука (Архив внешней политики России, портф. Миллера, Внутр. Коллежские дела, д.4).
37. О вываривании из морского рассола соли на Охотской солеварне (портф. 528, II, д.19).
38. О пашенных крестьянах на Камчатке (портф. 528, II, д.19).
39. Краткое географическое описание о реке Анадырь (портф. 528, II, д.19).
40. Краткое прибавление о происшествиях в Охотском порте (портф. 539, I, д.19).

¹ Труды Шмалевых. помеченные здесь под №№ 1-28, впервые сообщены в работе Н.А. Баклановой и А.И. Андреева в книге Миллера «История Сибири», М.-Л, 1937, стр.552, 554-556. Все документы хранятся в ЦГАДА в фонде «Портфели Миллера». То же относится и к последующим документам.

² Пункты 29-31 впервые сообщены Р.В. Макаровой, пункт 32 — О.М. Медушевской, а пункты 33-40 даны автором и до сего времени в опубликованных работах ему не встречались.

ИСТОЧНИКИ

Архивные:

1. Архив внешней политики России АУ МИД СССР.

Фонды:

Внутренние Коллежские дела

Российско-Американская компания.

2. Центральный Государственный Архив Древних Актов.

Фонды:

Портфели Миллера

Госархив

3. Центральный Государственный Архив Военно-Морского Флота.

Фонды:

Беринга

Биллингса

Гидрографии

Литературные:

Андреев А.И. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке, М., 1948.

Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири. В книге: Г.Ф. Миллер «История Сибири», т. 1, М.-Л., 1937, стр. 57-144.

Бакланова Н.А. и Андреев А.И. Обзор рукописей Г.Ф. Миллера. В книге: Г.Ф. Миллер «История Сибири», т.1, М.-Л., 1937, стр. 541-569.

Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества. СПб, 1823.

Визе В.Ю. Моря советской Арктики, М.-Л., 1948.

Записки Гидрографического департамента, ч. X, СПб, 1852.

История естествознания, т.1, ч.II, М., 1957.

Лессепс Ж.-Б. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири, ч. I-II, СПб, 1801-1802.

Макарова Р.В. Открытие и освоение русскими Алеутских островов во второй половине XVIII века, М., 1949, кандидатская диссертация, не опубликована.

Макарова Р.В. Роль Тимофея Шмалева в изучении истории русских географических открытий в Тихом океане во второй половине XVIII века. Труды Моск. Гос. истор.-арх. инст-та, М., 1954, кн. 6.

Макарова Р.В. Экспедиция русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке. «Вопросы географии», № 17, 1950.

Медушевская О.М. Картографические источники по истории русских открытий на Тихом океане во второй половине XVIII века. Труды Моск. Гос. ист.-арх. инст-та, М., 1954, кн. 7.

Медушевская О.М. Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке, М., 1952, кандидатская диссертация, не опубликована.

Русский биографический словарь, том Шебанов-Шютц, СПб, 1911.

Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, М., 1952.

Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке, Морской сборник, №№ 5, 6, 7, 8, 1869, СПб. 1869

Сгибнев А.С. Охотский порт, Морской сборник, № 11, 1869, СПб.

Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции во всех портах и границах, 1781-1788, СПб.

Шелихов Г.И. Путешествие Г. Шелихова. 1812, СПб.

Шмалев Т.И. О Камчатке. Опыт трудов Вольного Российского Собрания, ч. I, СПб, 1774.

АЛЕКСЕЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

БРАТЬЯ ШМАЛЕВЫ

Обложка и титул художника Ю.С. Жданкина.

Редактор Л.Н. Стебакова. Художественный редактор Н.Н. Стасевич.

Технический редактор А.П. Боданова. Корректор М.Л. Лисичкина.

Сдано в набор 23/I-1958 г. Подписано к печати 22/II-1958 г. Тираж 3 000. Цена 2 р. 10 к.

Магаданское книжное издательство, ул. Горького, 6.

Магаданская областная типография Управления культуры.

OCR Андрей Дуглас